Дб
125
С13

Савич А.

„Разгром польской интервенции в 17г."

М. 1938 г.

DB
125
C-13

458

Заг 21

А. САВИЧ и О. РОВИНСКИЙ

РАЗГРОМ ПОЛЬСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В XVII ВЕКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1 9 3 8

03
03
V 13714
IV
ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
499958 V

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО НАКАНУНЕ XVII ВЕКА

Во второй половине XVI столетия Иван IV (Грозный) покончил с феодальною раздробленностью русского государства. Он нанес сокрушительный удар последним остаткам удельной Руси. Образовалось централизованное Московское государство. Завоевание Казани, Астрахани, а затем Сибири расширило его территорию на восток и юго-восток. Татарское иго было ликвидировано еще при Иване III. Оставалась теперь лишь Крымская, или Перекопская, орда, но она уже не составляла большой угрозы для Московского государства.

Таким образом, восточный вопрос был разрешен. На очереди стоял вопрос западный. Молодое, но достаточно уже мощное русское государство искало выхода к морю. Свободный выход к берегам Балтийского моря стал, со времен Ивана Грозного, основной целью Московского государства.

На балтийское побережье претендовали также Польша и Швеция. Война с этими противниками, начавшаяся в 1558 г., оказалась для Московского государства довольно трудной и приняла затяжной характер. Только в 1582 г. было заключено перемирие с Польшей, а в следующем, 1583 г. был заключен мир со Швецией.

Несмотря на неудачный исход этой войны, правительство Ивана Грозного ни на минуту не оставляло мысли о необходимости борьбы за берега Балтийского моря. Иван Грозный пришел к выводу, что бороться со шведами и поляками собственными силами трудно. Тогда он начал переговоры о союзе с правительством английской королевы Елизаветы. В самый разгар этих переговоров, 18 марта 1584 г., Грозный умер.

Незадолго до смерти Иван Грозный, в припадке гнева, ударом посоха в висок убил своего старшего сына Ивана. Оставалось еще два сына — слабоумный Федор и маленький Дмитрий. Царем после Грозного стал Федор Иванович, а управлял царством брат его жены, Борис Годунов, бывший опричник[1] Грозного.

В 1591 г. маленький царевич Дмитрий, живший со своей матерью в городе Угличе, умер или был убит сторонниками Бориса Годунова. А через семь лет, в 1598 г., умер и слабоумный царь Федор Иванович. Говорили, что его также отравил Годунов.

Федор умер бездетным. Царица Ирина, которую бояре просили остаться на троне и которой уже начали приносить присягу, неожиданно постриглась в монахини. Ходила молва, что к этому ее понудил Годунов.

В феврале в Москве собрался земский собор. Он провозгласил царем Бориса Годунова.

Против Годунова затаили злобу родовитые бояре во главе с князем Василием Ивановичем Шуйским. Они об'единились в своей вражде к Борису с домом бояр Романовых, претендовавших на престол в силу родства с умершим царем.

Годунов, расправившись с главными своими противниками, издал ряд законов в интересах дворян-помещиков. Указ от 28 ноября 1601 г. разрешал дворянам вывозить к себе крестьян с уплатой по 1 рублю и 2 алтына за двор. В то же время указ этот запрещал вывозить крестьян в монастыри и боярские вотчины, которые, пользуясь своим материальным преимуществом, обычно больше всего захватывали себе рабочей силы.

Положение крестьян, и до того тяжелое, при Годунове еще более ухудшилось. Крестьяне бежали от помещичьей кабалы на южные степные окраины, на Украину и Дон, где, по слухам, жизнь была вольная и люди называли себя казаками. Помещики, не желая расставаться с даровыми работниками, преследовали бежавших крестьян, силой возвращали в поместья. В наказание били их батогами, часто досмерти. Но это не помогало. Беглых крестьян становилось все больше.

[1] Опричина — особый отряд из помещиков, который создал Иван Грозный для борьбы против родовитых бояр, старавшихся ограничить его самодержавную власть.

Борис Годунов об'явил все степные просторы государевыми пашнями. Вольных поселенцев забирали в пограничные гарнизоны и населяли ими укрепленные линии. Правительство преследовало бежавших крестьян на новых местах, где они искали себе воли от помещиков, и прикрепляло их к казенной сохе. Нигде на русской земле не было свободы крестьянину.

«От царя Бориса, — пишет летописец, — казакам было гонение великое: не пускали их ни в который город, где они ни придут, их везде хватали и по темницам сажали».

Три года подряд в стране был неурожай. Наступил страшный голод. Крестьяне ели мякину, древесную кору, собак, кошек, мышей, доходили даже до людоедства. Вымирали деревни и села. Помещики и бояре, с прекращением полевых работ, прогоняли от себя крестьян и холопов, чтобы не кормить их. Не видя никакого исхода, крестьяне и холопы уходили в леса и соединялись в отряды, громили своих угнетателей — бояр и помещиков, оружием добывали себе хлеб у богатеев и спекулянтов. В 1603 г. большой отряд крестьянского атамана Хлопка Косолапа дошел до самой Москвы и дрался с царскими войсками. С большим трудом царскому войску удалось подавить повстанцев и взять в плен Хлопка. Но и с ликвидацией отряда Хлопка крестьянские волнения не прекратились.

ПЕРВАЯ ПОЛЬСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ

Старые враги русского государства, польские паны, решили воспользоваться волнениями в России как удобным моментом для своей интервенции. С этой целью они распространили слух, что сын Ивана Грозного царевич Дмитрий вовсе не умер, а бежал от Бориса Годунова в Польшу. Этот «царевич» об'явился во владениях польского князя Адама Вишневецкого, граничащих с Московским государством.

Весть о новоявленном «царевиче», чудом спасшемся от смерти, облетела все панские дворцы и замки. Каждый польский вельможа старался оказать ему пышный прием. К судьбе самозванца благоволил и литовский канцлер Лев Сапега. Не вмешиваясь, как лицо официальное, от-

крыто в авантюру, он осторожно создавал успех Лжедмитрию. В этом ему помогали русские изменники-эмигранты. Некто Юрий Петровский, из свиты самого Сапеги, с большой готовностью засвидетельствовал подлинность «царевича», у которого он якобы служил еще в Угличском дворце.

О чем мечтал литовский канцлер Лев Сапега, выдвигая на сцену Лжедмитрия?

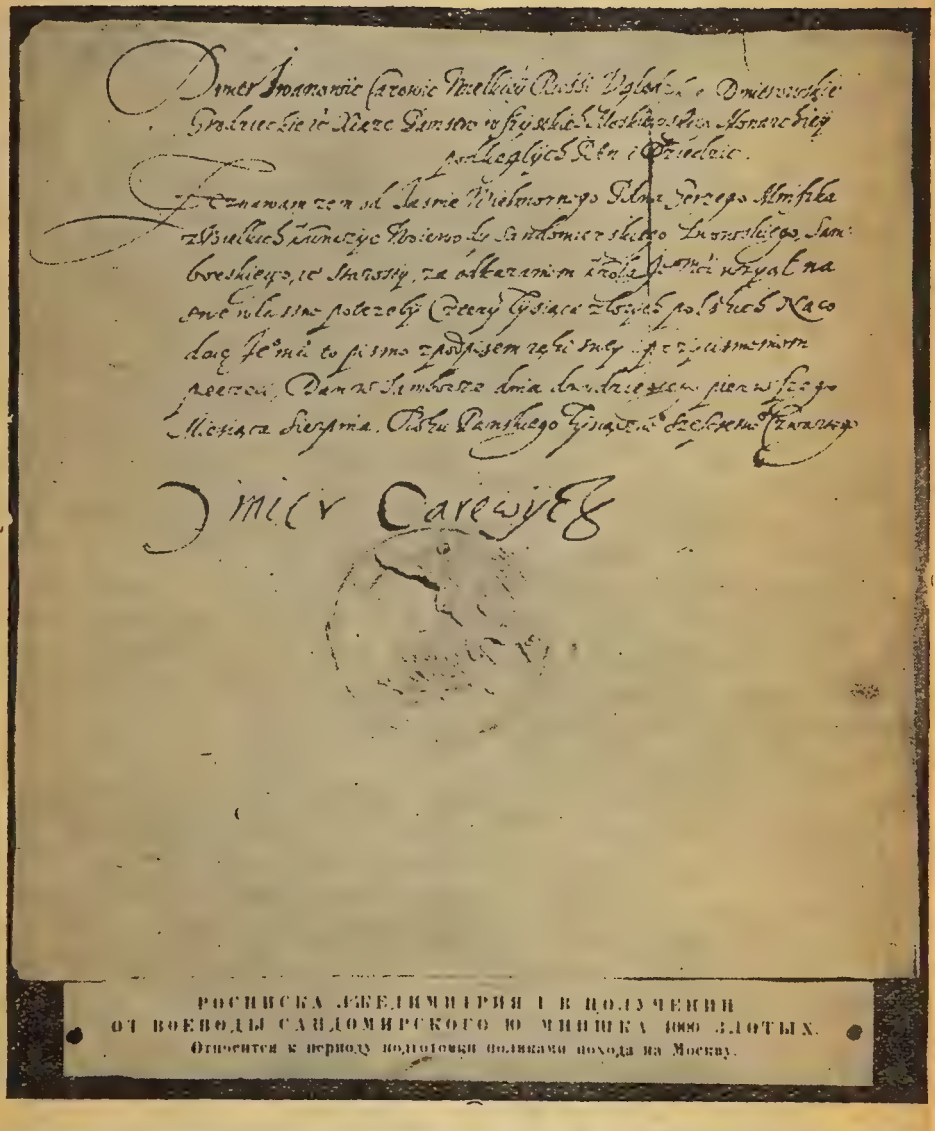
Сапега был одним из самых крупных землевладельцев в Литовском княжестве. Его вотчины, угодья и королевские пожалования были разбросаны по всей Литве, Белоруссии и Жмуди. Ловкий и искусный политик, Сапега пользовался известностью и как оборотистый хозяин. Он вел большую хлебную и иную торговлю с заграницей. Сапеге нужны были новые земли для их эксплоатации. Он мечтал захватить верховья Днепра, богатые лесные угодья Смоленщины, выход через реку Касплю в Западную Двину.

Большие и малые польские паны, мечтавшие заполучить в свое владение русские города, уезды, деревни, наперебой звали к себе Лжедмитрия, предлагали ему деньги и помощь для воцарения в Москве. Сандомирский воевода пан Юрий Мнишек свел его со своей старшей незамужней дочерью Мариной. Рассчитывая на поддержку влиятельного пана, Лжедмитрий стал послушным орудием в руках Мнишка, который уже во сне и наяву видел сказочные богатства московских царей и себя правителем целых русских княжеств, на правах царского тестя.

13 марта 1604 г. на торжественном вечере Мнишек представил самозванца польской знати. 15 марта «московского царевича» принял сам польско-литовский король Сигизмунд. Аудиенция закончилась громогласным признанием Лжедмитрия. Это было уже враждебным актом Сигизмунда против Москвы. Официальное признание самозванца развязало руки польско-литовской шляхте.

Сенаторы и шляхетская знать рекомендовали королю возможно выгоднее использовать сложившиеся обстоятельства, но соблюдать при этом осторожность, чтобы не вызвать войны с сильным пока еще русским государством.

4 — 2



РОСПИСКА ЛЖЕДМИТРИЯ I В ПОЛУЧЕНИИ
ОТ ВОЕВОДЫ САНДОМИРСКОГО Ю. МНИШКА 4000 ЗЛОТЫХ.
Относится к периоду подготовки поляками похода на Москву.

Расписка Лжедмитрия I в получении от Сандомирского воеводы Юрия Мнишка 4 000 злотых.

Сигизмунд действовал осторожно. Он открыто не разрывал мирных отношений с Москвой. Поэтому, во избежание политических осложнений, он не мог снабдить самозванца сразу регулярным польским войском, а разрешил ему набирать под свои знамена «добровольцев».

В Самбор, к Лжедмитрию, по призыву Юрия Мнишка начали стекаться польские шляхтичи и мелкие дворяне, падкие до легкой добычи и грабежа. «Ополчалась в самом деле не рать, а сволочь на Россию», пишет Карамзин в своей «Истории государства российского».

Польские лазутчики и шпионы наводнили южные окраины России, распространяя в народе грамоты, в которых говорилось о том, что сын царя Ивана Грозного жив и скоро придет на царство.

Напуганный именем воскресшего «царевича», Годунов заслонил всю западную границу караулами. Но воровские грамоты продолжали проникать в страну из-за рубежа в мешках с хлебом, в лодках и другими тайными путями.

В Москве о скором приходе «царевича» с каждым днем говорили все громче. Бояре, озлобленные против Годунова, распространяли обличительную грамоту Лжедмитрия, в которой он, перечисляя все преступления Бориса, требовал отдать ему престол.

В августе 1604 г. отряды польско-литовских интервентов, захватив с собой Лжедмитрия, переправились через Днепр выше Киева и вторглись в пределы русского государства со стороны черниговской окраины.

Интервенты шли походным порядком в пяти колоннах. План движения был тщательно разработан польскими воеводами. Итти прямым путем на Смоленск поляки не решились: взять хорошо укрепленную крепость им было не под силу. Они предполагали, перейдя Днепр, овладеть первым русским городом Моравском, затем Черниговом, Новгород-Северском, после этого большой, или «посольской», дорогой двинуться верховьями Оки на Орел и Мценск — к Туле, Москве.

Во всех своих планах интервенты рассчитывали, и не без основания, на поддержку оппозиционных элементов внутри России, недовольных правительством Годунова.

Начало похода было для поляков удачным. Почти без боя они взяли слабо защищенный Моравск.

Чернигов также сдался без боя: воевода князь Татев перешел на сторону поляков. Лжедмитрий обласкал изменника и пообещал ему милостей за верную службу. Казну, захваченную в Чернигове, поляки разделили между собой.

Прихватив в Черниговской крепости двенадцать пушек, поляки двинулись к Новгород-Северску. Здесь они встретили серьезное сопротивление защитников города. Больше месяца осаждали поляки крепость. Они угрожали истребить всех жителей вплоть до младенцев. Но ни угрозы, ни яростные штурмы не сломили упорства храбрых защитников Новгород-Северска.

Польско-литовский сейм обсуждал в этот момент вопрос о совершившемся вторжении в Россию.

Прибывший на сейм московский посол Постник Огарев обвинял князей Вишневецких в поддержке самозванца. Польские паны ему отвечали, что вторжение «царевича» с набранным им войском на русскую территорию произошло без ведома польского правительства и что, поскольку он находится уже в русском государстве, Польша не может отвечать за его дальнейшие действия.

К осажденному Новгород-Северску вскоре подошли русские войска под предводительством князя Ф. И. Мстиславского. Но действовали они без достаточной энергии и воодушевления. Лжедмитрий разбил эти русские отряды, несмотря на то, что по численности своей они были больше его войска.

Вскоре Лжедмитрий получил известие, что против него идут новые царские полки под начальством Дмитрия Шуйского. Самозванец снял осаду Новгород-Северской крепости и отошел к Севску. Полки Шуйского, об'единившись с полками Мстиславского, преследовали самозванца. 21 января 1605 г. на реке Севе под Добрыничами Лжедмитрий принял бой и потерпел жестокое поражение. Русские ратники преследовали поляков восемь верст, но воеводы, князья Мстиславский и Шуйский, приказали остановить погоню. Лжедмитрий успел укрыться с остатками войска за каменными стенами Путивльского кремля, поблизости от границы.

Воеводы Мстиславский и Шуйский могли легко взять Путивль и уничтожить засевших в нем поляков. Однако они этого не сделали, так как были тайными врагами Годунова. И самозванца они не уничтожили, потому что он был нужен им для борьбы с Годуновым.

Упустив Лжедмитрия, воеводы подошли к мятежному городку Кромы и стали тесным лагерем в камышах среди болот. Восьмидесятитысячное царское войско со множеством стенобитных орудий полтора месяца стояло перед деревянной маленькой крепостью и нехотя вело осаду. Однажды при штурме русский отряд овладел городскими стенами и уже готов был ворваться в крепость, но в последнюю минуту боярин Михаил Салтыков свел ратных людей со стен и дал возможность посланному самозванцем атаману Кореле провезти в крепость 100 возов с хлебом и 500 человек на помощь осажденным полякам. Это был уже прямой акт боярской измены.

Вскоре в русском войске, истомленном бесплодной осадой, начались повальные болезни и голод. Ратники стали разбегаться.

В тот момент, когда Лжедмитрий терпеливо сидел в Путивле, ожидая помощи из Польши, Борис Годунов внезапно умер (13 апреля 1605 г.), и царем был об'явлен шестнадцатилетний сын Годунова — Федор.

Смерть Годунова развязала руки многим его противникам и в самой Москве. В московском войске существовал заговор против Годунова. И в мае 1605 г. заговорщики-воеводы на тайном совете решили перейти на сторону Лжедмитрия.

Воеводы послали в Путивль делегацию. Князья Голицыны били самозванцу челом:

— Иди с нами в столицу, венчайся на царство.

Князь Василий Шуйский, который в свое время вел следствие об убийстве в Угличе царевича Дмитрия, взошел на лобное место и заявил, что на следствии он говорил неправду и что идет в Москву доподлинно царевич Дмитрий.

Лжедмитрий 20 июня в'ехал в Москву на белом коне. Самозванец плакал навзрыд над гробом своего мнимого отца, Ивана Грозного, нежно обнимал «мать», царицу инокиню Марфу, которая под давлением угроз и уговоров признала в нем сына.

4—1

Свое царствование Лжедмитрий начал с того, что помещикам вернул беглых крестьян и роздал земли, воеводам и чиновникам удвоил содержание, купцам отменил пошлины. Сторонников Годунова он отправил в ссылку, а противников его — бояр Романовых и других — вернул в Москву.

Этим самым он хотел расположить к себе русских помещиков-дворян.

Делами Лжедмитрия ведали два тайных секретаря, польские паны Бучинские. Старший из них, Ян, был главным секретарем самозванца. Утвердив своего ставленника на русском престоле, польские паны чувствовали себя в Москве как дома. Поляки стали занимать лучшие должности, чтобы удобнее было грабить народ. Прежде всего они запустили руку в русские сокровища. Мнишку отослали 300 тысячи злотых, королю Сигизмунду — золотого слона и другие ценности, Марине — дары от жениха: три пуда жемчуга, 40 редких бархатов, парчи и атласов.

Лжедмитрий отлил для себя трон из чистого золота, построил в Кремле дворец и убрал его с исключительной роскошью. Самозванец открыто выражал презрение к русскому народу, к его вере и обычаям: ходил в польской одежде, окружил себя охраной из трехсот немцев и ливонцев. Каждому из своих телохранителей он подарил по имению.

В народе начались волнения против поляков и их ставленника Лжедмитрия. Этими волнениями народа против польских панов решили воспользоваться родовитые бояре, составившие заговор против Лжедмитрия. Князь Василий Шуйский, который недавно публично отрекался от своих показаний на следствии, что царевич Дмитрий действительно убит, и признавал его в Лжедмитрии, теперь снова начал говорить, что Лжедмитрий не настоящий царевич, а самозванец.

Шуйский стал готовить переворот. Его поддерживала группа родовитой боярской знати. Лжедмитрий был уже теперь не нужен боярам. Воспользовавшись им как политическим орудием в борьбе против Годунова, они решили ликвидировать и самозванца.

Лжедмитрий узнал о заговоре. Шуйского схватили. Чрезвычайный суд приговорил его к казни.

Но самозванец дипломатично простил его.

Весной 1606 г. в Москву приехала и Марина Мнишек. Ее сопровождала многочисленная шляхта. Сзади ехал длинный обоз с оружием и вином. В свите Марины находились Юрий Мнишек, послы Сигизмунда и много других знатных панов. У каждого была своя военная дружина.

Панские гайдуки заняли в Москве лучшие дома, выгнав из них хозяев, не только рядовых посадских людей, но и самих бояр, купцов и духовенство. Шляхтичи ходили гордо, вызывающе бряцая оружием, как победители в завоеванной стране. Безнаказанно брали у жителей все, что хотели.

Вскоре состоялась пышная свадьба Лжедмитрия с Мариной Мнишек. По улицам Москвы скакали пьяные польские гусары. Они стреляли в воздух и горланили польские песни.

— Пся крев! Мы вам дали царя, — кричали они возмущенным москвичам и пускали в ход сабли.

Приезд Марины Мнишек ускорил развязку событий.

В ночь на 17 мая 1606 г. в Кремле гремела польская музыка. Лжедмитрий танцовал с Мариной мазурку.

А за городом в это время уже стояли отряды ратников. Их призвал из своих вотчин Василий Шуйский. Он хотел воспользоваться гневом народа против польских захватчиков и взять власть в свои руки. Все двенадцать ворот столицы были заняты дружинами Шуйского. По улицам, крадучись, ходили люди, отмечая мелом двери домов, в которых жили поляки. Русские стрельцы, охранявшие эти дома, делали вид, что они ничего не замечают. Ненависть к пришельцам была общей. Все ждали только сигнала, чтобы дружно подняться против иноземного господства, спасти отечество от позора и унижений.

Шуйский собрал бояр и воевод к себе на ночной совет.

— За нас несколько сот тысяч, — говорил Шуйский, — а у него только пять тысяч поляков, да и то рассеянных по всему городу...

Бояре, участники заговора, решили убить самозванца.

Поздно ночью, утомленные танцами, поляки раз'ехались по домам и заснули. Спал и Лжедмитрий.

Но вот на Ильинке тревожно зазвучал колокол. Вслед

затем зазвонили в Кремле, а потом и во всех московских церквах ударили в набат.

Народ высыпал на улицы. Все уже были одеты и вооружены кто чем. Из слобод бежали ремесленники и крестьяне с дрекольем. Окружали помеченные дома. Даже дети и юноши и те, размахивая луками и стрелами, ружьями и топорами, кричали: «Бейте поляков!»

«В течение семи часов, — пишет очевидец, — мы не слышали ничего кроме набата, стрельбы, стука мечей и криков: «Секи, руби злодеев!».

Поляки укрывались в домах, в подвалах. Восставшие разносили дома таранами, а из подвалов выбивали врагов пушками.

На Красной площади сотни сбежавшихся людей кричали «Смерть ляхам!», размахивали пиками и мечами, стреляли из самопалов.

Шуйский открыл Спасские ворота и во главе боярского отряда ворвался в Кремль. За боярами повалил народ.

По пути к дворцу народ истребил в первую очередь польских иезуитов, наставников Марины.

Лжедмитрия разбудил набат.

Поняв в чем дело, он в ужасе выбросился из окна с высоты няти саженей, сломав себе ногу. Самозванца пытались спасти немцы-алебардщики, но их быстро расшвыряли и прикончили. Толпа набросилась на Лжедмитрия, словно стараясь выместить на нем всю ненависть к иноземным захватчикам и насильникам.

Разгром поляков в Москве продолжался с трех утра до одиннадцати часов дня. Труп самозванца был выставлен на Лобном месте. Лицо его накрыли маской, а в рот воткнули дудку.

Юрия Мнишек и Марину с королевскими послами бояре заключили под стражу и тем спасли их от народной мести.

Через три дня труп самозванца закопали за Серпуховскими воротами, а потом вырыли, отвезли в село Котлы и там сожгли на костре. Пепел смешали с порохом, забили в пушку и выстрелили на запад, в ту сторону, откуда пришли поляки.

Так окончилась первая попытка польских панов поработить русское государство.

ВОССТАНИЕ КРЕСТЬЯН ПОД РУКОВОДСТВОМ БОЛОТНИКОВА

После разгрома первой интервенции поляков русским царем стал крупный вотчинник, родовитый боярин Василий Иванович Шуйский. Избрание Шуйского царем, в Москве на Красной площади, подстроили бояре и поддержали богатые купцы, воспользовавшиеся борьбой народных масс против поляков и Лжедмитрия. Были и другие претенденты на русский престол из крупных бояр. Но Шуйский оттеснил их при помощи своих сторонников, родовитых бояр — князей, связанных с ним по родственной линии.

Положение крестьян при Шуйском нисколько не улучшилось. Крестьянские восстания против бояр и помещиков продолжались и при новом царе. Особенно крупный размах имело в этот период восстание крестьян под руководством Ивана Исаиевича Болотникова.

Болотников был холопом князя Телятевского. В молодые годы он попал в плен к татарам, а те продали его в Турцию, где он работал на галерах. Однажды судно Болотникова оказалось в Венеции. Улучив удобный момент, он бежал из неволи и через Польшу пробрался домой. В Польше в тот момент горячо обсуждались московские события.

В Путивле, где появился Болотников, к тому времени скопилось множество людей, недовольных правительством Шуйского и крепостническими порядками. Здесь были не только личные враги Шуйского, такие, как князь Григорий Шаховской, но и масса беглых крестьян, холопов и всякого рода кабальных людей. Болотников стал во главе этих крестьянских и холопских отрядов. Под его знамена стекались отовсюду крестьяне, холопы, мелкие посадские люди и даже стрельцы, чтобы двинуться на Москву против ненавистного царя — Шуйского.

Наиболее крупными центрами восстания были города Елец и Кромы. Под Елец Шуйский выслал отряд войск во главе с князем И. М. Воротынским. Под Кромы против Болотникова шел князь Юрий Трубецкой.

Болотников с отрядом в 1 300 человек разбил пятитысячное войско Трубецкого. Войска Воротынского и Трубецкого, не имея большого желания воевать за инте-

ресы боярского царя Шуйского, вернулись в Москву ни с чем.

Отступление Воротынского и Трубецкого как бы послужило сигналом для повсеместных восстаний крестьян и холопов на южных окраинах русского государства. Во главе восставших в Туле оказался сын боярский Истома Пашков. В Рязанском узде восстание возглавили воевода Григорий Сумбулов и дворянин Прокопий Ляпунов. Эти люди решили использовать движение Болотникова для свержения правительства Шуйского.

Переправившись через Оку, Болотников у Коломны снова разбил правительственные отряды. В селе Троицком, в 70 верстах от Москвы, он одержал победу и над главной правительственной армией под командой князя Ф. И. Мстиславского.

Болотников дошел до Москвы и остановился у села Коломенского. Из его лагеря стали выходить в большом количестве «письма», или прокламации. Из них мы узнаем о классовом характере восстания и программе Болотникова.

Самих «писем» не сохранилось, и содержание их мы заимствуем из источников, классово чуждых восстанию, — грамоты патриарха Гермогена и из Нового Летописца. Вот что говорят эти источники о программе Болотникова: «велят боярским холопям побить своих бояр, жен их, вотчины и поместья им сулят, шпыням и безименникам ворам велят гостей и всех торговых людей побивать, именье их грабить, призывают их, воров, к себе, хотят им давать боярство, воеводство, окольничество и дьячество».

Само собою понятно, что интересы восставших крестьян и холопов, с одной стороны, бояр и дворян — с другой, не совпадали. Поэтому очень скоро из подмосковного лагеря Болотникова ушли в Москву к царю Василию Шуйскому Ляпунов и Сумбулов. Ляпунов получил служебное повышение от Шуйского — чин думного дворянина.

Предложение знатного чина было сделано и Болотникову, но крестьянский и холопский вождь не пошел на эту приманку. Тогда Шуйский возобновил военные действия против Болотникова. 1 декабря 1606 г. у деревни Котлы царские войска встретились с войсками Болотни-

кова. Восставшие сражались храбро. Но в самый разгар сражения из отряда Болотникова ушел Истома Пашков с дворянами и детьми боярскими. Классовая принадлежность и желание получить царскую награду были причиной измены Пашкова.

Болотников с оставшимися отрядами засел в Коломенском. Три дня воеводы били по острогу из пушек, но болотниковцы мужественно выдерживали осаду. Только тогда, когда правительственные войска зажгли острог, Болотников вышел из Коломенского и отступил к Серпухову. Но так как продовольствия здесь было недостаточно, то он направился к Калуге, где и остановился.

В Калуге болотниковцы успешно отбивали атаки правительственных войск под командой брата царя — князя Ивана Ивановича Шуйского, князя Ф. И. Мстиславского и др. Единственным успехом правительственных войск было то, что боярин Романов и князь Мезецкий разбили приближавшегося к Калуге на помощь осажденным князя Василия Рубца-Мосальского.

При помощи немца Фидлера царь Василий Шуйский сделал попытку отравить Болотникова. Получив в качестве аванса сто рублей и лошадь, Фидлер пробрался в Калугу, но отравить вождя восставших ему не удалось.

К Калуге на помощь Болотникову двигался отряд князя Телятевского. При речке Пчельне он нанес поражение войску, высланному ему навстречу Мстиславским. Это обстоятельство произвело сильное впечатление и на остальное войско Мстиславского, которое поспешно отступило из-под Калуги, причем 15 тысяч из этого войска перешло на сторону Болотникова.

В Туле находились повстанческие отряды Шаховского и казака Илейки, который выдавал себя за сына царя Федора Ивановича — Петра, в действительности никогда не существовавшего. В Тулу на соединение с Шаховским и Илейкой пришел и Болотников. Образовался сильный повстанческий лагерь, угрожавший правительству Шуйского.

Взять этот лагерь штурмом Шуйский не мог. По совету некоего Кравкова, сына боярского из Мурома, царь приказал сделать запруду на реке Упе. Вода залила город, и засевшие там отряды Болотникова, Илейки и Шаховского вынуждены были сдаться.

Захватив Тулу, Шуйский жестоко расправился с восставшими. Казак Илейка был казнен, Шаховской отправлен в отдаленный северный монастырь. Болотников был выслан в Каргополь, где ему через несколько времени выкололи глаза, а потом утопили его в проруби.

Восстание Болотникова — самый яркий момент крестьянской войны, захватившей около двух десятилетий начала XVII века. Оно характеризуется всеми свойствами крестьянских войн феодальной эпохи: стихийностью, раздробленностью действий, отсутствием четкой программы — всем тем, что в конечном итоге определило и неудачи восстания.

Подавив восстание, Шуйский издал новые указы, еще более закабалявшие крепостных крестьян. По этим указам помещики могли в течение пятнадцати лет разыскивать и возвращать к себе бежавших от них крестьян, но крестьянские восстания против крепостных порядков и против царя Шуйского продолжались попрежнему.

Это обстоятельство окрылило надежды внешних врагов русского государства — польских панов, которые решили повторить свой поход на Москву.

ВТОРАЯ ПОЛЬСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ

Польские паны после разгрома их первого похода на Россию не успокоились. Они усиленно готовят второй поход против русского государства, с целью порабощения его.

Еще в июне 1606 г., когда послы Шуйского приехали в Польшу для заключения «мирного» договора, польские дипломаты при обсуждении вопроса о возвращении задержанных в Москве панов угрожали:

«...Только государь Ваш отпустит Сандомирского воеводу с товарищами и всех польских и литовских людей, которые поныне на Москве, ино и Дмитряшки и Петрушки не будет; а только государь Ваш вскоре не отпустит всех людей, ино и Дмитрей будет и Петр прямой будет, и наши за своих с ними за одно станут».

Вскоре после этого польские паны выдвинули нового самозванца. Они распустили слух, что в Москве по ошибке был убит другой человек, а Лжедмитрий спасся.

Хорошо осведомленный современник событий того

времени, Мартин Бер, говорит в своих записках, что новый Лжедмитрий был орудием польской мести России за московский разгром 17 мая 1600 г. По словам Мартина Бера, паны, друзья Юрия Мнишка, отыскали в каком-то белорусском городке подходящего человека, дали ему соответствующие наставления и переправили его через границу в русский город Путивль. Водил самозванца пан Меховецкий, который хорошо знал прежнего Лжедмитрия и всех уверял в том, что собственными глазами видел своего спутника на московском троне.

Из Путивля Меховецкий доставил нового Лжедмитрия в город Стародуб-Северский, на Черниговщине, и здесь самозванец был открыто провозглашен московским царем. Начинался новый поход против Москвы.

На помощь пану Меховецкому пришел из Литвы мозырский хорунжий пан Будзило. А за ним стали стекаться в Стародуб и другие польские паны со своими военными отрядами. Пан Валавский и пан Тишкевич пришли каждый с тысячным отрядом. Князь Адам Вишневецкий привел с собой две тысячи конных рейтар. В самой Польше в это время большое войско собирал князь Роман Ружинский. С четырьмя тысячами хорошо вооруженного войска он прибыл к самозванцу, когда тот уже находился в Орле.

В течение зимы из всех этих отрядов была создана сильная польская армия. Во главе ее стал более ловкий авантюрист Ружинский, оттеснив Меховецкого на второй план.

Весной 1608 г. армия интервентов, выступив из Орла, взяла направление на Москву. 1 мая под Болховом она разбила отряды царских войск под командой Дмитрия Шуйского и Василия Голицына. Интервенты подступали к Москве и в конце июня раскинули лагерь между реками Москвой и Сходней, в селе Тушино.

Между тем, 25 июля 1608 г., после почти двухлетних переговоров, русские послы в Польше подписали наконец «перемирие» сроком на три года и одиннадцать месяцев. По мирному договору Москва должна была отпустить пленных панов, а Польша — отозвать всех шляхтичей из тушинского лагеря.

Согласно этому договору Юрий Мнишек, Марина и их спутники были отправлены на родину. Поляки же не

только не собирались покидать Тушино, но их здесь с каждым днем становилось все больше. Приходили все новые и новые отряды польско-литовской шляхты.

Мнишек с дочерью выбрали дорогу в Польшу мимо Тушина. В лагере об этом знали. К ним навстречу выехал шляхтич Зборовский с отрядом, «задержал» их и доставил в лагерь.

Перед Мариной опять открылась возможность стать московской царицей. Ее свели с новым Лжедмитрием. И хотя она увидела его впервые в жизни, это не помешало ей признать в нем своего мужа, чудом спасшегося от руки Шуйского. Марина при свидетелях искусно разыграла комедию нежданной встречи с любимым Дмитрием. Но для этого новому самозванцу пришлось предварительно обещать пану Юрию Мнишку Северское княжество и 300 тысяч рублей деньгами, а пану Олесницкому—город Белый на Смоленщине. 5 сентября поздно вечером в Тушине произошло венчание Марины и нового Лжедмитрия.

Поляки не зря затащили Марину в Тушино. Признание бывшей царицей самозванца имело большое значение. Оно подняло авторитет нового Лжедмитрия и укрепило его зарубежные связи. Усилился приток польских шляхтичей в Тушино.

Узнав о венчании Марины, пришел в движение и Рим. Иезуит Рангони взял «воскресшего» Лжедмитрия под свое покровительство и вместе с другими представителями римско-католического духовенства составил для него «наказ».

В этом «наказе» иезуиты советовали самозванцу не добиваться себе императорского титула, что могло вызвать обострение отношений с соседними государствами, и обещали ему этот титул после того, как он сделает Москву если не католической, то хотя бы униатской [1].

В «наказе» перечислялись мероприятия, которые «ревностный сын церкви» должен осуществлять в первую очередь:

1) Замещать государственные должности не по знатности рода, а по заслугам.

[1] Уния — соединение православной церкви с католической, с сохранением восточных обрядов, но при условии признания папы римского главою обеих церквей.

2) Выбрать себе в советники людей зрелых и доблестных, отстранив родовитых бояр.

3) Взять в телохранители иностранцев, а из русских — только приверженцев унии.

4) Производить тайные и тщательные розыски скрытых заговорщиков и неослабно узнавать о настроениях приближенных ко двору лиц.

5) Иметь верных и надежных секретарей.

6) В правительственном делопроизводстве употреблять русский язык, но держать при дворе знающих латинский язык истинных католиков, которые должны удерживать царя от сближения с еретиками.

7) В специальной записи оговорить, что Марина находится под покровительством польско-литовского государства, на тот случай, если понадобится защита ее при каких-либо переменах обстоятельств.

8) Перенести столицу России ближе к западным границам, где будет безопаснее для царя и царицы и удобнее держать связь с Западом.

Составители «наказа» рекомендовали самозванцу быть осмотрительным и осторожным, если он, как верный сын церкви, хочет добросовестно выполнить указания Рима и тем заслужить императорское звание.

Поляки, однако, вовсе не полагались на то, что их новый ставленник будет сам решать все вопросы. Его умственные способности были им известны лучше, чем Риму. В Тушине была создана специальная комиссия из десяти шляхтичей, облеченная чрезвычайными полномочиями. Ее постановлениям подчинялся не только каждый обитатель лагеря, но и сам самозванец. Комиссия осуществляла своеобразную военную польско-литовскую диктатуру. Наряду с фиктивными приказами и подобием боярской думы были установлены чины и звания чисто польских учреждений, такие, как канцлер (Валавский), маршалок (Харлинский), конюший (Вишневецкий).

Видя, что самозванец сидит в Тушине крепко, к нему стали перебегать из Москвы все политические противники Василия Шуйского. По примеру антигодуновской группы бояр, использовавших в своих интересах первого Лжедмитрия, они примкнули ко второму, чтобы также воспользоваться им как орудием против неугодного им царя Василия Шуйского. В тушинском лагере

оказались бояре Романовы во главе с ростовским митрополитом Филаретом, нареченным патриархом «всея Руси», князья Д. Т. Трубецкой, Д. М. Черкасский, А. Ю. Сицкий, М. М. Бутурлин, Засекины, Г. Шаховской и др. Личный враг Шуйского Ф. И. Мстиславский остался в Москве.

Поляки делали все, чтобы придать Тушину видимость второй столицы русского государства; пышный двор, церемонии «царских» приемов, военные смотры и т. п. Из Тушина польские паны делали вылазки во все окрестные села, хозяйничая всюду, как дома.

Крестьяне писали бесчисленные жалобы самозванцу на дерзкие бесчинства его пришлых людей.

Но этих жалоб самозванец даже не выслушивал. Канцлер Валавский жег из них костры перед своей ставкой.

Отряды тушинцев вскоре проникли в Переяславль-Залесский и в Ростов, в Вологду и на верхнюю Волгу, в Кострому, Кинешму и даже в новгородские пределы — в Псков. Захватывая эти города, поляки безудержно грабили население.

Русский народ не мог долго терпеть этого неприкрытого разбоя. В то время как московские бояре и воеводы в других городах целовали крест тушинскому «вору» (как прозвали в народе второго самозванца), крестьяне поднимались для решительной борьбы против иноземных захватчиков.

Тушинский воевода в Суздале Плещеев доносил, что от больших поборов во многих местах произошла «смута великая».

В Юрьевце-Подольске на поляков собрался народ под предводительством сотника Федора Красного. На Решме — под руководством крестьянина Григория Лапши. В Балахнинском уезде восстание возглавил крестьянин Иван Кушинников, в Горховце — Федор Нагавицын, в Холуе — Илья Дементьев.

Восставшие крестьяне двинулись на Луг и, истребив там все польско-литовские отряды, направились в Шую. Отряды повстанцев появились в Галиче, Костроме, Вологде, на Белоозере, в Городце, Бежецком, Верху, Кашине и в других местах. Из Иосифо-Волоколамского монастыря крестьянами был изгнан обосновавшийся там польский князь Ружинский.

Во главе правительственной армии против поляков выступил популярный воевода Михаил Васильевич Скопин-Шуйский, племянник царя. Двадцатичетырехлетний командир, талантливый и авторитетный, был человеком строго принципиальным. Он не ходил в Тушино за личной наживой, чинами и наградами, которыми самозванец осыпал тех бояр, что признавали его. Не искал он выгод и в Москве.

Будучи дипломатом, Скопин-Шуйский заключил договор со шведами и получил от них вооруженную помощь в 5 тысяч человек. Усилив шведским отрядом свои войска, он шел освобождать Москву от польских захватчиков. По пути к Москве он изгоняет поляков из городов Романова, Пошехонья, Мологи и Рыбинска. Опасаясь Скопина-Шуйского, тушинцы покидают Ярославль. Из Старой Рузы бежит с отрядом пан Корнозицкий. Интервенты оставляют Торопец, Торжок, Порхов, Орешек. Отдельный отряд Скопина-Шуйского был послан на выручку Пскова.

Шведы помогали Москве не бескорыстно. В переговорах со Скопиным они выторговали себе город Корелу с уездом и северо-западным побережьем Ладожского озера, отказ от притязаний Москвы на Ливонию, а также вечный союз с Карлом IX против Польши. Шведы понимали, что с победой тушинцев Московское государство станет полуколонией Польши, которая тогда утвердилась бы не только на Востоке, но и на берегах Балтийского моря, угрожая Швеции у самых ее ворот. Только поэтому встревоженное успехами тушинского лагеря шведское правительство пошло на союз с Москвой.

Московско-шведский союз и успехи Скопина вызвали переполох в Тушине и в самой Польше. Союз с Москвой усиливал позиции Швеции в Прибалтике и угрожал свести на-нет все планы тушинцев и польского короля Сигизмунда. Сигизмунд перестал скрывать, что он воюет с Россией. Он стал открыто готовиться сам к походу на Москву. Собравшийся польско-литовский сейм (1609 г.) одобрил налог, который идет на «продолжение инфлянтской войны» и на «предотвращение опасности», грозящей польско-литовскому государству. Чтобы отвести нарекания на короля, будто он идет в поход из династических побуждений и из жажды мести личному своему

Михаил Васильевич Скопин-Щуйский.

врагу—Карлу IX, потребовалась специальная декларация, в которой король официально заявил, что целью похода является благо отечества.

Летом 1609 г. польско-литовские отряды под руководством велижского старосты Корвин-Гонсевского начали военные действия на смоленском рубеже. А в августе сам Сигизмунд, без об'явления войны, вторгся в Московское государство со стороны Орши и большим войском обложил Смоленск. Оттуда он отправил в Тушино посла Стадницкого, который предложил всем польским подданным служить уже не самозванцу, а самому королю.

Напуганные приближением к Москве Скопина-Шуйского и видя бессмысленность своего дальнейшего пребывания в Тушине, паны начали покидать лагерь и перебегать к королю под Смоленск. Самозванец, оставленный своими сподвижниками, в декабрьскую ночь 1609 г. бежал в Калугу.

Так распался стан второго Лжедмитрия под Москвою, просуществовавший более полутора лет.

Однако с распадом тушинского лагеря положение московского правительства не стало легче. На Москву шли многочисленные отряды войск польского короля Сигизмунда. В эти трудные для русского государства дни все с надеждой смотрели на молодого воеводу Скопина-Шуйского, вступившего 12 марта 1610 г. в Москву со своим войском.

В Скопине-Шуйском все видели законного преемника дяди, неудачливого и бездетного царя Василия Ивановича. Но Скопин-Шуйский был отравлен на пиру у князя И. М. Воротынского.

Командование русскими войсками перешло к царскому брату, Дмитрию Шуйскому, человеку бездарному в военном отношении, щеголю и трусу. Дмитрий Шуйский повел войска на помощь осажденному поляками Смоленску. Навстречу ему вышли польские отряды под командой гетмана Жолкевского. Сражение произошло у деревни Клушино, недалеко от Можайска. Жолкевский разбил Шуйского. Иностранные наемники, находившиеся в отрядах Шуйского, изменили и в середине боя перешли на сторону поляков. Путь на Москву был открыт. И гетман Жолкевский, оставив в тылу осажденный Смоленск, дви-

нул свои отряды к Москве, по пятам бежавшего Дмитрия Шуйского.

Лжедмитрий, узнав о том, что войско Шуйского разбито, тоже поднял голову. Вместе с оставшимися при нем поляками он из Калуги пошел на Москву, торопясь поспеть к дележу добычи. Отряды Лжедмитрия перешли Оку и остановились у села Коломенского.

Гетман Жолкевский шел к Москве, посылая вперед разведку и людей, разбрасывавших по городам письма, направленные против царя Шуйского. Письма эти гонцы гетмана доставляли по ночам московским боярам. Жолкевский уговаривал бояр свергнуть Шуйского и признать московским царем Владислава, сына польского короля Сигизмунда.

Войска гетмана Жолкевского стояли уже в Хорошевских лугах, недалеко от Москвы. Московские бояре и дворяне свергли с престола Шуйского и насильно заставили его постричься в монахи. Вскоре был убит и второй Лжедмитрий, — он уже не нужен был полякам.

Волнения народа против поляков и бояр продолжались. Московские бояре решили отдать престол польскому королевичу Владиславу. Они говорили: «Лучше служить королевичу, чем быть побитыми от своих же холопей».

В специальном договоре с Жолкевским московские бояре выставили свои условия, на которых они признавали Владислава русским царем. Условия сводились примерно к следующему: королевич должен креститься в православную веру; жениться он должен только на русской; с собой в Москву может привести лишь немного поляков; должна быть снята осада поляками Смоленска.

Эти условия Жолкевский отправил Сигизмунду на утверждение. Он убеждал его принять их, так как это в сущности ни к чему его, короля, не обязывало бы. Но Сигизмунд находил, что русское царство фактически уже побеждено, а с русским народом считаться нет надобности. Еще раньше в своих письмах-инструкциях к гетману, исполненных ненависти и враждебности к русскому народу, Сигизмунд заявлял, что не может вывести свои войска с территории Московского государства, пока оно еще не умиротворено. «Успокоение, — говорил он, — надо начать с Москвы: выслать из нее весь беспокойный и

подозрительный элемент... Русские люди обязаны помнить, что король сам должен успокоить Московское государство, освободив его как от самозванца, так и от тех упрямцев, которые не подчиняются столице».

Не трудно догадаться, что Сигизмунд имел в виду героический Смоленск, упорно отражавший польскую осаду. В очень резких и грубых выражениях король характеризует в своих письмах русский народ. Что же касается Смоленска, то Сигизмунд считал, что занятие им этого города будет всего-навсего только «возвращением Польше утраченного ею раньше».

17 августа бояре вывели московских жителей в поле, на полдороге от польского лагеря к столице, и здесь торжественно присягнули Владиславу. На другой день присяга происходила уже в Успенском соборе. Гетман поздравил бояр с окончанием смуты. Он тоже присягнул в соблюдении договора.

Во все города поскакали гонцы с указом произвести присягу на имя Владислава. Чтобы испросить у короля согласие на избрание его сына, а заодно побудить его принять «условия», под Смоленск отправилось большое посольство. Состав его был тщательно подобран Жолкевским, теперь ставшим полновластным хозяином Москвы. Во главе посольства он уговорил стать князя В. Голицына. Этим самым он удалил из Москвы опасного для поляков человека, намечавшегося в цари после свержения Шуйского. Влиятельного митрополита Филарета Романова он также включил в состав посольства.

29 сентября гетман Жолкевский по сговору с Ф. И. Мстиславским, начальствовавшим над русскими войсками, тихо ввел в Кремль и Китай-город польский гарнизон.

По словам поляка Самуила Маскевича, одного из активных участников польской интервенции, поводом к введению войска в столицу послужило волнение «черни», которая, «не взирая на присягу, вступила с боярами в распри, требуя перемены государя».

Таким образом, русский народ, поняв, куда ведут страну ее правители — бояре и дворяне, восстал против изменнической боярской думы. Польские войска были приглашены в Москву боярами для того, чтобы парализовать движение народных масс.

Польский гарнизон расположился в Москве, как в завоеванном городе. С этого времени планы короля стали ясными для всех. «Он хощет,—свидетельствует современник,— сие великое наше государство и в нем бесчисленное богатство взять и владети».

Жолкевский понимал, что король теперь не согласится ни на одно из «условий» русских послов. Вместе с тем он обещал москвичам от имени короля и даже присягал, что основные условия договора Польшей будут выполнены. Если народ поймет обман и восстанет, то он, Жолкевский, окажется в самом опасном положении. И хитрый гетман спешит уйти совсем из Москвы, предоставив администрирование над польским гарнизоном и роль королевского комиссара велижскому старосте Александру Корвин-Гонсевскому.

Гонсевский был упрямый и вздорный человек. В спорах его аргументом всегда была сабля, за которую он хватался, когда не находил слов для обоснования своих вздорных претензий. Его вотчины лежали у восточных рубежей Литвы. До московского похода он упорно стремился расширить свои владения за счет русских земель Поречской и Щучейской. Смоленским воеводам буйные налеты этого захватчика доставляли немало хлопот. И вот теперь он, пан Гонсевский, в самой Москве. Она теперь в его руках и живет он во дворце царя Бориса. И русские именитые бояре и помещики ползают у его ног, выпрашивая себе разные милости и службы.

Гонсевский был недоволен лишь русским народом, его ненавистью к иноземным захватчикам. Боясь народной расправы, паны и русские бояре-изменники засели в крепких дворах и укрепленных домах, окружив себя большой стражей из немцев. Жителям было запрещено иметь оружие. Они не имели права носить не только ружья и сабли, но даже топоры и ножи. У всех домов были сняты железные решетки, чтобы из них не наделали пик. У купцов и ремесленников поляки отнимали все, что только могло быть использовано в качестве оружия. У крестьян они отбирали даже мелкие дрова, привезенные на продажу: из них можно сделать деревянные копья.

Поляки боялись русского народа. Но уходить из Москвы они вовсе не собирались. Наоборот, с каждым днем

их прибывало все больше. И с каждым днем они становились все наглее. Горели подожженные ими города: Орел, Болхов, Белев, Карачев, Алексин и др. Вороны кружились над развалинами там, где недавно кипела жизнь...

Король Сигизмунд, занятый осадой Смоленска, молчал. Тщетно русские послы старались убедить его исполнить свои обещания: крестить Владислава в православную веру, прислать его царем в Москву, а самому отойти от Смоленска и тем успокоить государство.

Сигизмунд отвечал:

— Чтобы привести страну к покою, я должен взять Смоленск.

Но смоляне не сдавались.

Не помогали никакие угрозы и ухищрения поляков, обманом, хитростью пытавшихся ввести войско в крепость. Смоляне во-время угадывали все их маневры. Мужественно отбивали они самые яростные штурмы, показывая всему русскому народу пример того, как надо защищаться от врага.

Эту непоколебимость города поляки об'ясняли присутствием русских послов, настаивавших на своих требованиях. Чтобы сломить их упорство, были пущены в ход все средства: ласки, угрозы, запугивания и подкуп. В результате некоторые из членов посольства (дворяне Василий Сукин и Сыдовный, спасский архимандрит Евфимий и троицкий келарь Авраамий Палицын), получив от короля подарки, поехали в Москву уже как сигизмундовы агенты. По словам летописца, они «сами назвашася, прошахуся у Кроля, чтоб их отпустил к Москве, а они ему хотят привести ко крестному целованию московских людей, чтоб целовать крест самому Кролю, а не сыну его. Кроль же, похваляя их к себе радение, и отпусти в Москву».

В Москве посадские и «мелкие люди» решительно отказались целовать крест Сигизмунду. Изменник Салтыков с ножом в руках понуждал патриарха Гермогена воздействовать своим авторитетом на жителей: благословить их «крест целовать королю». Но Гермоген отказался и даже сам разослал по городам несколько грамот, в которых призывал русских людей стоять за православную веру.

НАРОДНОЕ ОПОЛЧЕНИЕ

Опасность, надвигавшаяся над страной, подняла патриотические чувства всех честных людей России.

Завязалась оживленная переписка между городами. Один город призывал другой. Везде создавались земские ополчения из крестьян, мастеровых, стрельцов и служилых казаков.

Первыми на освобождение Москвы от поляков поднялись рязанцы под предводительством воеводы Прокопия Ляпунова. К ним присоединилось ополчение тульской окраины.

Движение против поляков, охватывавшее всю страну, привлекло к ополчению и часть тушинцев. Отряды тушинцев во главе с Д. Т. Трубецким и И. М. Заруцким присоединились к Ляпунову.

Со своими воеводами готовились в поход костромичи, ярославцы, владимирцы, угличане, каширяне, арзамасцы, муромцы. Из Зарайска выступил небольшой отряд под командой зарайского воеводы князя Дмитрия Михайловича Пожарского. Еще в то время он был известен своей храбростью «во бранях», честностью и неподкупностью. Во время осады в Москве «против врагов он стоял крепко и мужественно и многую службу и дородство показал, голод и во всем оскудение и всякую осадную нужду терпел многое время, а на воровскую прелесть и смуту ни на какую не покусился, стоял в твердости разума своего крепко и непоколебимо, безо всякия шатости». А затем, будучи с февраля 1610 г. воеводою в Зарайске, не поддавался на уговоры П. Ляпунова пристать к нему против царя Шуйского; не сносился он и с Лжедмитрием II, когда дела царя были совсем уж плохи. Может быть, размолвками с Ляпуновым и об'ясняется то, что Пожарский пошел к Москве независимо от рязанской рати. С маленьким отрядом верных людей он двигался быстрее и намного опередил Ляпунова.

Грозные силы народных ополчений шли освобождать Москву от польских захватчиков. Сигизмунд был встревожен. Он слал к Москве новые полки шляхтичей. Гонсевский и русские бояре-изменники в свою очередь прилагали все усилия, чтобы остановить формирование ополчений.

Боярские лазутчики приносили каждый день тревожные вести: ополчения неустанно снаряжались к походу. Слухи о скором приходе ополчения дошли до москвичей и приободрили их. Участились нападения на поляков. Паны уже опасались ходить по улицам в одиночку или маленькими группами. Враждебное отношение к полякам особенно заметно было на базарах.

Однажды польские гайдуки пришли на базар купить сена. Им кричали из толпы:

— Эй, краковяки! Недолго вам осталось здесь пировать. Видно, придется собакам потешиться над плешивыми головами, когда не хотите добром уйти в свою землю.

Гайдуки шли сквозь толпу тесно, взявшись за сабли. Один из них, заметив, сколько платили за овес русские покупатели, предложил торговцу точно такую же сумму. Торговец запросил с него вдвое дороже.

Поляк рассвирепел, выхватил саблю и стал кричать. Образовалась толпа. В руках у москвичей и приехавших на базар крестьян появились оглобли и колья. Размахивая ими, толпа все теснее окружала поляков, крича:

— Смерть! Смерть ляхам!

Гайдуки бросились бежать, отмахиваясь саблями от погони. Подошла польская стража и, открыв стрельбу, вступила в бой с населением. Было убито двенадцать русских.

Весть об этом тотчас же распространилась по всем предместьям и слободам. Народ густыми толпами повалил к центру на защиту своих. Дело принимало характер общего восстания.

К москвичам вышел окруженный своей охраной Гонсевский. Москвичи разговаривали с ним смело и резко. Гонсевский угрожал москвичам расправой, если они не разойдутся.

— Вы безоружны, а нас шесть тысяч, — говорил он, крутя усы.

— Полно врать! — кричали ему из толпы. — Без ружей и сабель мы вас побьем шапками.

— Нет, друзья, — возразил Гонсевский, — шапками вам не управиться и с девками. Вам придется иметь дело с моими панцырниками, которых вы ничем не возьмете. Лучше будьте спокойны и мирны.

— А вы поскорей убирайтесь отсюда. Очистите наш город... Уходите, пока не поздно!

Гонсевский побагровел и, гремя саблей, сказал:

— Мы уйдем отсюда только тогда, когда у вас будет король. Мы не можем вас оставить на произвол судьбы, — добавил он, усмехнувшись.

— Так недолго вам оставаться в живых, пан!

С этими словами люди расходились по домам, «скрывая в душе злые умыслы», замечает очевидец событий немец пастор Бер.

Наступил март. Ополчения шли на Москву по последнему санному пути. Поляки запасались провиантом на случай осады. Но население отказывалось продавать им продукты. Тогда навыручку полякам пришли изменники-бояре. С помощью вооруженных гайдуков они начали силой собирать по дворам продовольствие для польского гарнизона. В связи с этими поборами возмущение народа изменниками достигло крайнего предела. Огромная толпа, около трех тысяч человек, устремилась в Кремль, требуя выдачи Салтыкова, Андронова и Грамотина. Но немецкие сторожевые отряды под командой французского авантюриста капитана Якова Маржерета преградили дорогу. Они набросились с оружием на русских, успевших уже ворваться в Кремль, и вытеснили их за стены.

Население Москвы с нетерпением ожидало прихода ополчений. К этому приходу москвичи приурочивали свое восстание против поляков. Восстание это обещало полный успех. Однако вышло иначе. Историки не указывают причин преждевременного выступления москвичей 19 марта 1611 г. Говорят лишь, что к 19-му число ожидался приход к Москве Ляпунова. Но он пришел 25 марта. Вряд ли москвичи могли ошибиться на шесть дней. Возможно, что кровавое столкновение с народом в неудобный для него момент было спровоцировано поляками.

17-го, в вербное воскресение, должно было состояться традиционное «шествие на осляти». Ради крестного хода Гонсевским был выпущен из заточения патриарх Гермоген. Но поляки теперь уже боялись стечения народа. Они распустили слух, что гайдуки намерены во время крестного хода изрубить патриарха и безоружных участников шествия. В процессии поэтому участвовало немного народа. На всех площадях стояли польские роты,

пешие и конные. На кремлевских и китайгородских башнях устанавливались пушки. Поляки зорко следили за всем, что происходило в московских слободах. 18-го ночью население организовало совет для руководства восстанием. По свидетельству Самуила Маскевича, «доброжелательные» москвитяне советовали полякам не дремать. Может быть, те же Салтыков и Андронов намекнули Гонсевскому, что легче расправиться с мятежным населением до подхода ополчения. План разгрома русских сил по частям казался весьма целесообразным польскому военному командованию. Нужен был лишь повод к расправе.

Настало 19 марта. С утра было тихо. Никаких признаков подготовки в тот день организованного выступления москвичей не наблюдалось. Ополчения еще были далеко. Столица жила обычной жизнью. Купцы начали свою торговлю в Китай-городе.

Но вот на рынке появился польский ротмистр Николай Казановский. Заносчивый и нахальный, он стал кричать стоявшим на базаре извозчикам, чтобы шли помогать шляхтичам втаскивать на башни пушки.

Извозчики отказались. Поднялся шум и крики.

Неожиданно из всех ворот Кремля повысыпали немцы, состоявшие на службе у поляков, и бросились на толпу. Началось массовое избиение безоружного народа. К немцам присоединились поляки. Сам Маскевич замечает в своих записках: «кажется, однако, наши подали первый повод к волнению». В результате этой провокации при подавлении «восстания» было убито в Китай-городе до 7 тысяч русских.

Тем временем население Белого города успело вооружиться чем попало и поставить на улицах баррикады из саней. Поляки из Китай-города пошли к Тверским воротам и здесь, в обширном посаде, натолкнулись на отчаянное сопротивление.

«Русские, — говорит Маскевич, — свезли из башен полевые орудия, расставив их по улицам, обдавали нас огнем. Мы кидались на них копьями, а они тотчас загородят улицу столами, лавками, дровами; мы отступали, чтобы выманить их из-за ограды: они преследуют нас, неся в руках столы и лавки, и лишь только заметят, что мы намереваемся обратиться к бою, немедленно заваливают

улицу и под защитой своих загородок стреляют в нас из ружей; а другие с кровель, с заборов, из окон бьют нас самопалами, камнями, дрекольем...»

К моменту восстания москвичей в слободах появились только передовые отряды земского ополчения: к Сретенским воротам подошел князь Д. М. Пожарский, к Яузским — И. М. Бутурлин, в Замоскворечье стал лагерем Иван Колтовской.

Пожарский первым пришел на помощь москвичам. Не передохнув после трудного перехода по дороге, тронутой уже весенним теплом, он вступил в бой с поляками и не выпустил их на Сретенский луг. Рядом дрались пушкари Пушечного двора. Пожарский соединился с ними и оттеснил поляков от Сретенки обратно в Китай-город. На Лубянке у церкви Введения зарайцы и пушкари поспешно соорудили из камней и бревен острожек — небольшое укрепление — и, засев в нем с пушками, преградили польским ротам выход на Лубянку и Мясницкую. Колтовской не дал полякам устроить плацдарм за Москва-рекой. Бутурлин запер им выход через Яузские ворота.

Все польские силы оказались осажденными в Кремле и Китай-городе. «Каждому из нас было жарко, — пишет Маскевич, — мы не могли и не умели придумать, чем пособить себе в такой беде... Кто-то предложил выжечь ненавистный посад и слободы, чтобы выбраться из осады. Поляки подхватили мысль и стали кричать:

— Огня, огня. Зажечь дома!

Но для этого нужно было сделать вылазку. Никто не решался на это.

Навыручку полякам пришли русские изменники. Михаил Салтыков первый поджег свой дом. Поднялось пламя. Ветер погнал его на соседние деревянные дома. В других местах вспыхнуло еще несколько домов, зажженных боярами-изменниками. Скоро огонь забушевал по всему Белому городу, от Кулишек до Покровской улицы и от Пречистенских ворот до Тверских. Население бросилось спасать свои дома и имущество. Поляки только этого и ждали. Они вышли из-за стен Китай-города и нещадно преследовали москвичей.

Пожарский с пушкарями, несмотря на окружавшее его пламя и натиск поляков, продолжал крепко сидеть в своей засаде на Лубянской площади.

К ночи огонь не перебрался лишь в Замоскворечье. Вся остальная столица уже пылала, как один гигантский костер. В Кремле было светло, точно днем. Набат звучал непрестанно.

Зарево пылавшей Москвы видел Ляпунов, стоявший уже возле Угрешского монастыря. Он послал к Москве Просовецкого и воеводу Плещеева с большими отрядами, но они были разбиты в окрестностях Москвы и отогнаны от нее полковником Струсем, пришедшим на помощь к Гонсевскому.

К утру 20 марта пламя вокруг Кремля улеглось. Почти все кругом было уже выжжено. Поляки стали совещаться, как быть дальше. Бояре-изменники сказали им:

— Белого города нет. Но осталось деревянное Замоскворечье, и там народ может еще укрепиться. Надо сжечь Москву до основания, тогда мы будем спокойны...

Для поджога Замоскворечья был выделен специальный немецкий отряд в количестве 2 тысяч человек. Он перешел Москва-реку и, преодолев яростное сопротивление народа и стрельцов, зажег деревянный город. «Мы действовали в сем случае по совету доброжелательных нам бояр», замечает Маскевич. Отряд Колтовского разбежался. Москва выгорела. Кое-где остались целыми лишь слободы за Яузой да дома в районе Сретенки, куда поляков не пускал Пожарский. Он отбивался от них из-за своего острожка целый день 20 марта, не давая жечь сохранившуюся часть Москвы, что оставалась под его защитой. Мужественно, до полного изнеможения, боролись зарайские крестьяне и московские пушкари, поддерживая в других бодрость. Но все новые и новые польские роты обрушивались на острожек и, наконец, сломили последнюю опору Москвы. Израненный Пожарский, обессилев от потери крови, упал на землю и, по рассказу летописца, с отчаянием заплакав, сказал:

— Лучше умереть, чем жить, видя такое бедствие людям от врагов...

Его подняли. Он ни за что не хотел оставлять поле сражения.

Пожарского отвезли в больницу Троице-Сергиева монастыря. По троицкой дороге отступали остатки его отряда. Потянулось на север и население, унося с собой спасенные от огня пожитки.

Князь Дмитрий Михайлович Пожарский.

Поляки торжествовали. Они успели укрепить Кремль и Китай-город до подхода главных сил ополчения. За каменными стенами Кремля Гонсевский спокойно поджидал отряды ополчения, рассчитывая разбивать их по одному, как только они станут появляться.

Передовые полки земского ополчения подошли к Москве 25 марта и расположились возле Симонова монастыря. Гонсевский послал против них войска. Он был уверен, что уставшие после большого перехода ополченцы легко будут рассеяны. Но поляки, понеся в бою большой урон, едва успели убраться обратно за стены Кремля и Китай-города. К 1 апреля все ополчение (около 100 тысяч) уже стояло среди остывшего пожарища под стенами Белого города. Ляпунов занял Яузские ворота, отряды костромичей и ярославцев — Покровские, владимирцы, муромцы и нижегородцы под руководством окольничего Измайлова — Сретенские. Князь Мосальский стал у Тверских ворот. А на Воронцовом поле раскинулся казачий лагерь Дмитрия Трубецкого, Ивана Заруцкого и Просовецкого.

Поляки и русские изменники были заперты в Москве со всех сторон.

Однако бои начались не сразу. С первого же дня осады между воеводами ополчения возникла рознь. Никто не желал подчиняться другому, каждый считал себя главным. Думный дворянин Прокопий Ляпунов не хотел уступить первенства Трубецкому и Заруцкому, получившим боярство от самозванца. Несколько дней ополченцы стояли в бездействии, не зная, кого же в конце концов слушать. Анархия в руководстве и отсутствие внутреннего единства в самой рати, различной по своему социальному составу, грозили полным распадом всему делу. Тогда собрались ратные люди «и начали всей ратью говорить, чтоб выбрать общих начальников». На войсковом совете решено было создать правительственный орган из трех лиц вместо «множайших воевод». В это временное правительство были выбраны старейшие над всеми воеводами — П. Ляпунов, Д. Трубецкой и И. Заруцкий. Скоро Ляпунов, как самый властный и энергичный полководец, взял власть над войском в свои руки. После этого ополчение начало действовать решительнее, и каждый день происходили бои с поляками.

Заняв все ворота и башни Белого города, ополченцы рвались в бой с врагом, засевшим в центре столицы. И рязанцы, и бывшие тушинцы, и казачьи таборы шли в бой с одинаковым воодушевлением. Они очистили от польских сил Белый город. Но крепкие стены Китай-города, дымившиеся от густого ружейного огня, всякий раз останавливали их. Зато и все попытки поляков сделать из Москвы вылазку в окрестные села за продовольствием кончались неудачей.

В Кремле, наконец, истощились все запасы, наступил голод. Гонсевский вынужден был пойти на сокращение гарнизона. Часть польских сил с трудом вырвалась из окружения, неся под Смоленск печальные вести.

Сигизмунд не мог притти на помощь осажденному в Москве гарнизону. Упорный Смоленск ему все еще не сдавался. Это бесило его. В Польше уже подтрунивали над ним: если так будет защищаться каждый русский город, то какая же цена тому, что в московском Кремле сидят поляки?

Смоляне своей героической обороной показывали пример стойкости всему русскому народу, предпочитая умереть, «нежели бесчестно и горько жити». Они сковывали у своих стен основные польские силы и отвлекали внимание короля от событий в Москве и вокруг нее. По выражению современника, Смоленск «ни за главу, ни за руце, ни за нозе, но за самое злонравное и жестокое сердце держит и к нам итти претит». Смоляне сделали все, что могли.

Но сопротивление для них стало под конец невозможным. Цынга производила среди защитников города более сильные опустошения, чем польские бомбардировки. В начале осады в Смоленске было 80 тысяч жителей, а к концу ее, через двадцать месяцев, едва насчитывалось 8 тысяч. Дело довершила злодейская измена. Боярский сын Андрей Дедевшин перебежал из города на сторону поляков и сообщил им о слабом месте в крепостной стене, где кирпич был сложен наспех в дождливую осеннюю погоду. Король приказал направить пушки на эту непрочную часть стены, и она была пробита. Ночью 3 июня поляки снова пошли на штурм и через пролом в стене ворвались в город, напоминавший кладбище. Храбрый предводитель смолян Шеин вынужден

был сдаться. Жители заперлись в соборном успенском храме, подожгли хранившийся в церковных подвалах порох и взлетели на воздух. Они предпочли смерть позорному плену.

Опьяненный успехом Сигизмунд отправился в Варшаву праздновать победу. Жолкевский вез как военный трофей бывшего царя Василия Шуйского с братьями. Вся Польша веселилась по поводу взятия Смоленска. Панам казалось, что с Московским государством все уже покончено, и они не торопились под Москву. Гонсевский доносил, что с осадившим его ополчением он справится теперь и сам.

Гонсевский надеялся воспользоваться раздорами в лагере ополчения. Он знал, что Заруцкий и бывший с ним заодно безличный Трубецкой недовольны Ляпуновым. У Заруцкого была своя цель — посадить в Москве царем малолетнего сына Марины Мнишек, проживавшего в то время с матерью в Коломне. А Ляпунов и воеводы приняли кандидатуру на престол шведского королевича Филиппа, надеясь достигнуть этим двух целей: обезопасить государство с северо-запада от Швеции и с помощью ее выгнать из страны польских интервентов. Кроме того Ляпунов предпринимал крутые меры против казацкого своеволия, которому потворствовал Заруцкий. Отношения между ними еще более обострились после того, как всем ополчением был утвержден написанный Ляпуновым приговор от 30 июня 1611 г.

Приговор устанавливал порядок управления землей и войском. Высшая власть, согласно этому приговору, принадлежала всей земле, которую олицетворял ополченский совет. Воеводы становились исполнительными органами земли. Учреждались приказы: Большой разряд, Поместный, Разбойный, Земский и Большой приход. Тем самым московские приказы теряли свое административное значение, как находившиеся в руках поляков. В приговоре об'являлось, что поместные земли отнимаются у всех тех, кто не служил в войске, и оставляются лишь у жен и детей членов посольства, задержанных Сигизмундом, и вдов и детей убитых на войне и у дворян, получивших поместья от М. В. Скопина-Шуйского. Приговор возвращал всех беглых крестьян и холопов, считавшихся до сих пор казаками, их

прежним господам. Это было в интересах служилого дворянства и уже звучало открытым вызовом казачеству. Приговор стеснил также казаков, ушедших на службу в города. Теперь они не могли никуда уходить иначе, как в сопровождении служилых людей. Наносился удар казачьей вольности: над казаками устанавливался контроль. Эти постановления Ляпунова вызвали недовольство казаков и были наруку как Заруцкому, так и Гонсевскому.

Гонсевский прилагал все усилия, чтобы расстроить ополчение. Убрать с дороги талантливого воеводу, «всего московского войска властителя», Ляпунова было для него первой задачей. По тайному сговору с Заруцким он решает воспользоваться возмущением казаков Ляпуновым. Под его диктовку были составлены, якобы рукой Ляпунова написанные, грамоты во все города. В них говорилось: «Где поймают казака, бить и топить, а когда успокоится Московское государство, то мы весь этот злой народ истребим». Через своего казацкого атамана Исидора Заварзина Заруцкий распространил эту фальшивку среди казаков. Те пришли в ярость. 22 июля они собрались на круг и потребовали Ляпунова для об'яснений. Ляпунов явился, ничего не подозревая, и тут же был предательски зарублен атаманом Карамышевым.

Ратные люди, потрясенные смертью Ляпунова, разошлись по своим городам.

Ополчение распалось. Заруцкий стал единственным властелином над оставшимися таборами. Поляки почувствовали себя в осаде свободнее. К ним в Кремль прошли подкрепления. Приближался гетман Ходкевич с 2 тысячами войска. Казаки, были вытеснены из Белого города.

Заруцкий и его атаманы, тушинцы, думали теперь уже не об освобождении Москвы, а о том, как бы, под видом освободителей, побольше попользоваться ратными доходами и «кормлением» с окрестных городов и сел.

Осмелели и кремлевские бояре. В своих посланиях к Сигизмунду они называли себя «верными подданными» короля. Вместо плененных под Смоленском послов они шлют в Польшу новых: Ю. Н. Трубецкого, М. Г. Салтыкова и думного дьяка Янова. Чтобы попридержать в Москве своевольных шляхтичей, истомленных голодовкой, бояре и Гонсевский, кроме большого жалованья,

4—1

щедро раздают им еще богатства из царской казны. В числе прочих ценностей были розданы короны Годунова и Лжедмитрия, царский посох с дорогими камнями, богатое гусарское седло Лжедмитрия, две царские шапки, золотой посох и усыпанное драгоценными камнями яблоко.

В это тяжелое для Руси время, когда пал Смоленск, а Москва находилась в руках поляков, шведы решили, что Россия, видимо, никому больше не принадлежит, и утвердились в Новгородской земле. В ночь с 15 на 16 июня шведский полководец Делагарди, помогавший в свое время Скопину-Шуйскому против поляков, напал на Великий Новгород. Новгородцы храбро защищались. Стрелецкий голова Василий Гаютин, дьяк Афиногеи Голенищев, Василий Орлов и казацкий атаман Тимофей Шаров с сорока казаками показали образец стойкости. Уже будучи окружены, они ни за что не хотели сдаться, бились до последних сил и умерли все вместе. Софийский протопоп Амос с группой новгородцев заперся на своем дворе. Шведы не могли туда проникнуть. Тогда они подожгли двор. Все сидевшие там защитники Новгорода погибли в пламени, но не сдались.

Древний Новгород пал, как и Смоленск. Делагарди готовился завоевать для Швеции весь северо-запад России.

Страна была на краю гибели.

МИНИН И ПОЖАРСКИЙ

Сошло со сцены, превратившись в орудие Сигизмунда, официальное русское правительство — боярская дума. Разграблены были сокровища страны. Не существовало больше регулярной армии. Великая страна превращалась в польско-шведскую колонию.

Но не сломлен был русский народ, тот народ, который польские интервенты в высокомерии своем считали безгласным орудием в руках его правителей, неспособным самостоятельно мыслить и чуждым какой бы то ни было инициативы. Теперь, когда показали полное свое банкротство правящие классы, этот народ выступает на историческую сцену, как подлинный хозяин земли. Он берет в свои руки дело защиты родины.

3—2

Снова города завязали между собой горячую переписку о том, как «быть всем в совете и в соединении, за государство стоять». Снова неведомые писцы стали рассылать из Москвы призывные грамоты во все верховые и понизовые города, на восток и север. В грамотах сообщалось, что Заруцкий хочет посадить на царство «царевича Ивашку» — сына Марины Мнишек, который «отнюдь на царство не надобен: проклят он от святого собора и от нас». Грамоты звали всей землей итти к Москве на отмщение русской крови.

Одну из этих грамот бесстрашные люди — свияжанин Родион Мосеев и Ратман Пахомов — принесли в Нижний Новгород. Нижний еще до прибытия этой грамоты взял на себя инициативу собирания русских сил в своих стенах для спасения родины.

Во главе нового мощного патриотического движения, в отличие от ляпуновского, встали представители самого народа, его избранники. Они не искали, как Трубецкой и Заруцкий, личных выгод в народном деле — ни чинов боярских, ни поместий, не преследовали никаких честолюбивых целей, не выдвигали на трон каких-то своих особых претендентов.

Кузьма Минин был выборным человеком Нижегородского посада — земским старостой, начальником судных дел у таких же посадских людей, как он сам. Он занимал эту почетную должность не по назначению правительства, а по выбору. Не славный родом, не герой, совершивший что-то выдающееся («убогою куплею питался», говорит о нем летописец), он был, однако, самым уважаемым и заметным человеком в своем городе. К Кузьме Минину-Сухоруку шли все за советом, его суд, и управа, и речи были самыми справедливыми. Он, по меткой характеристике историка, «принял на себя молву бесчисленных печалей, всегда носился бурями различных попечений». Потому-то от его имени нижегородцы и кликнули свой знаменитый клич: «Помочь отечеству, не жалея ни жизни и ничего, заложить, если нужно, жен и детей!» Минин стал не только идейным инициатором, но и организатором нижегородского ополчения.

В сентябре 1611 г. протопоп Савва прочитал в соборе грамоту, присланную из Москвы. После этого на тор-

говой площади выступил перед согражданами Минин. Он сказал:

— Захотим помочь отечеству, Москву и русский край освободить от иноземной злобы, так не жалеть нам ни жизни, ни имения своего, не жалеть ничего, не то что выгод всяких искать, а отдавать все свое, дворы продавать, жен и детей закладывать... Встанем все, докажем, что мы сыны отечества... Ополчимся, соберем великую рать, казну и оружие. Вот, я первый всех своих сыновей и все, что трудом своим добыл, приношу на жертву отечественному краю...

Речь Минина с восторгом слушал весь Нижний Новгород, собранный на мирской совет.

— Будь, Минин, нам вождем! — единодушно вырвалось у нижегородцев.

Но Кузьме Минину-Сухоруку не нужна была слава вождя. «Мы сами не искусны в ратном деле», говорил он. Минин согласился, и то после долгих уговоров, стать простым казначеем ополчения, сборщиком пожертвований, распределителем общественной казны: «на жалование ратным людям деньги давать, а денег не достанет — отбирать не только имущество, а и дворы, и жен, и детей закладывать, продавать, а ратным людям давать, чтоб ратным людям скудости не было».

Он хорошо понимал, что одними патриотическими речами, одним воодушевлением сильной рати не собрать; нужны были прежде всего большие средства, чтобы дело освобождения страны стояло на прочной основе и было обеспечено со всех сторон, и потому взял на себя внешне неприметные, но сложные и тяжелые обязанности народного секретаря, казначея.

В воеводы Минин предложил выбрать князя Дмитрия Михайловича Пожарского, «мужа честного, кому заобычно ратное дело, который в таком деле искусен и который во измене не явился».

Никто не мог назвать более достойного воеводу, чем Д. М. Пожарский. Пожарского все в Нижнем знали как вполне безупречного человека, который не приставал ни к полякам, ни к Тушино, не заискивал у Сигизмунда, а всегда, не щадя жизни, боролся со всеми врагами родины и доказал кровью свою преданность народу. Пожарский был избран в воеводы ополчения всенародно.

Кузьма Минин призывает нижегородцев на борьбу против польско-литовских интервентов (с картины худ. Репина).

Он жил тогда в своей суздальской вотчине Линдехе, в 120 верстах от Нижнего, где лечился от ран, полученных в боях с поляками в марте 1611 г. в Москве. Когда пришли к нему послы от нижегородцев бить челом и просить стать во главе ополчения, он, несмотря на то, что еще не совсем оправился от ран, с радостью согласился вести на Москву рать, но поставил, по уговору с Мининым, условие: «стоять за истину всем безизменно, к начальникам быть во всем послушными и покорливыми и не противиться им ни в чем».

Предусмотрительный и осторожный, в противоположность П. Ляпунову, Д. М. Пожарский, как и Минин, брался за большое самостоятельное дело не сгоряча, а обдумав все подробно так, чтобы дело было верным и бесповоротным. Судьба первого ополчения была примером того, к чему приводит неорганизованность, торопливость и неразборчивость в союзниках.

После долгих переговоров и размышлений с Мининым о том, как лучше устроить ополчение, Д. М. Пожарский в конце октября 1611 г. приезжает в Нижний и становится во главе ополчения.

Ядром будущей рати послужили смоляне в числе 2 тысяч человек. Они первыми пришли в Нижний под знамена ополчений. Все были опытны в военном деле, так как последние годы воевали с поляками, защищая свои порубежные земли, теперь занятые Сигизмундом. И они начали обучать других военным хитростям и боевому строю.

Клич Минина разнесся по всему русскому государству, подняв на ноги всех честных и смелых. Грамоты Пожарского, разосланные по городам, об'яснили русским людям задачи ополчения, звали их присоединяться к нижегородцам. И скоро «все города Московского государства утвердились крестным целованием, чтобы быть всем в любви и соединении, прежнего междоусобия не начинать, и Московское государство от врагов, от польских и литовских людей очищать неослабно до смерти своей...»

Нижний Новгород стал центром освободительного движения всей страны. В Нижний отовсюду стекались добровольные приношения, слали деньги, шли ратники и выборные люди от городов для совета. Приходили и

казаки из стана Заруцкого и из Коломны, чтобы участвовать в общенациональном деле. И Минин «сердца ратных утолял, и наготу их прикрывал, и во всем их покоил, и сими делами собрал воинство не малое».

Минин и Пожарский придавали большое значение моральному состоянию ополчения. Поэтому они заботились прежде всего о материальном обеспечении ратников. В этом опять сказывались их практичность и дальновидность: с оскудевшим воином далеко не уйдешь, какие бы воодушевляющие речи перед ним ни произносить. Потому-то так высок был моральный и боевой уровень нижегородского ополчения по сравнению с Ляпуновским.

Для содержания войска понадобилось много денег. Одних пожертвований нехватало. Казна скоро истощилась. И тогда нижегородцы самоотверженно выполнили свое обещание Минину: не щадить себя ни в чем. Жен и детей своих они, конечно, не закладывали и в рабство не продавали, но отказали себе во всем — в сбережениях, драгоценностях, в имуществе — с величайшей готовностью. Но были и такие, которые по своему достатку отдавали слишком мало. И Минин, как справедливый сборщик и распределитель народных приношений, старался уравнять сборы. Было постановлено собрать со всех третью деньгу. Сам Минин первый подал пример: внес 100 рублей от своих доходов, хотя почти все свое состояние уже отдал раньше, сразу же после своей знаменитой речи на торговой площади.

С помощью выборных земских окладчиков Минин «посадских торговых и всяких людей окладывал с кого что денег взять, смотря по пожиткам и по промыслам». Но люди Нижнего и других городов чаще всего следовали примеру Минина: сами себя окладывали вдвое, втрое, — все отдавали на спасение родины от иноземцев.

С каждым днем росло и укреплялось нижегородское ополчение. Основательно и неспеша готовился Пожарский к походу на Москву.

Слухи из Нижнего встревожили честолюбивого и высокомерного Заруцкого, стоявшего без дела под Москвой.

«Вот мужик, — сказал он о Минине. — Нашу честь хочет взять на себя, а наша служба и радение ни во что

будет. Я стою под Москвой не малое время... Посмотрю, что будет у того мужика, увижу его промыслы...»

И он послал казаков занять Ярославль, чтобы не дать северным городам соединиться с Нижним.

В феврале 1612 г. из Нижнего выступил передовой отряд ополчения под начальством Д. П. Пожарского-Лопаты. По дороге он освободил Ярославль. Вслед за ним, 5—10 марта, двинулись и главные силы. Они шли вдоль скованной еще льдом Волги через Балахну, Юрьевец, Кинешму, Кострому. К ним везде присоединялись отряды добровольцев. Казна Минина не переставала пополняться новыми денежными взносами.

Весь русский народ поднимался на борьбу с польскими захватчиками. Поляк Самуил Маскевич в своих записках рассказывает характерный эпизод этой борьбы.

В Москву на помощь к своим пробирались рыскавшие по стране польско-литовские банды. В числе других в феврале 1612 г. шел к Москве польский офицер Самуил Маскевич с отрядом в 300 человек. Он вез военные и с'естные припасы. Возле Можайска на поляков напали русские партизаны. К партизанам присоединились крестьяне, находившиеся в польском обозе. Они загромоздили путь повозками. Поляки лишились возможности продвигаться по узкой дороге среди глубоких снежных сугробов и были разбиты. Часть отряда повернула назад, другая, во главе с Маскевичем, с трудом отбившись от партизан, достигла Можайска. Здесь, в деревне Вишенке, боясь заблудиться, поляки поймали старого крестьянина и приказали ему провести их в сторону к Москве, но так, чтобы миновать Волоколамск, где, по сведениям агентуры, стояло русское войско. Крестьянин повел поляков мимо Волоколамска; а ночью незаметно свернул к нему. Уже до города оставалась всего одна верста, как навстречу отряду случайно попался польский пан Руцкий, возвращавшийся из Москвы в свой гарнизон в Рузу. Он предупредил Маскевича об опасности. Поляки отсекли проводнику голову и спешно отошли от Волоколамска.

В конце марта нижегородская рать прибыла в Ярославль и здесь стояла четыре месяца. Это обстоятельство нельзя об'яснить нерешительностью Д. М. Пожарского. В этом скорее проявился его стратегический такт.

Для осторожного Пожарского важно было обеспечить тыл и теснее соединиться с другими городами, чтобы дальше итти наверняка. Поэтому в первую очередь он освободил от врагов Пошехонье, Углич и северную часть Бежецкого уезда и привлек в состав ополчения отряды Тулы, Устюжина, Железнопольска и других мест.

Во время стоянки в Ярославле были попутно решены и другие важные вопросы: увеличены материальные силы ополчения, создано временное правительство — совет «всей рати»— и учреждены приказы для управления освобожденными местностями от имени «всей земли».

Тем временем подошли отряды с севера, из-под Москвы, и ополчение еще больше приняло характер движения всей земли. Прежде чем продолжать итти к Москве, необходимо было выяснить также отношение к Великому Новгороду, где, под давлением Делагарди, уже была принята кандидатура в цари шведского королевича Карла-Филиппа. Прямо отвести иноземного искателя московского престола правительство «князя Д. М. Пожарского с товарищами» из дипломатических соображений не решалось. Это вызвало бы конфликт со Швецией и размолвку с В. Новгородом, что могло бы помешать походу. Кроме того и в самом ополчении не было еще полного единства политических ориентаций. Одни хотели видеть царем князя В. Голицына, другие — сына митрополита Филарета, Михаила Романова, третьи (группа Бутурлина) — шведского королевича. Но всех об'единяла вражда к полякам. Некоторым членам ополчения казалось заманчивым опереться на силы шведского короля, врага Сигизмунда, и с помощью шведов изгнать польско-литовских интервентов из страны.

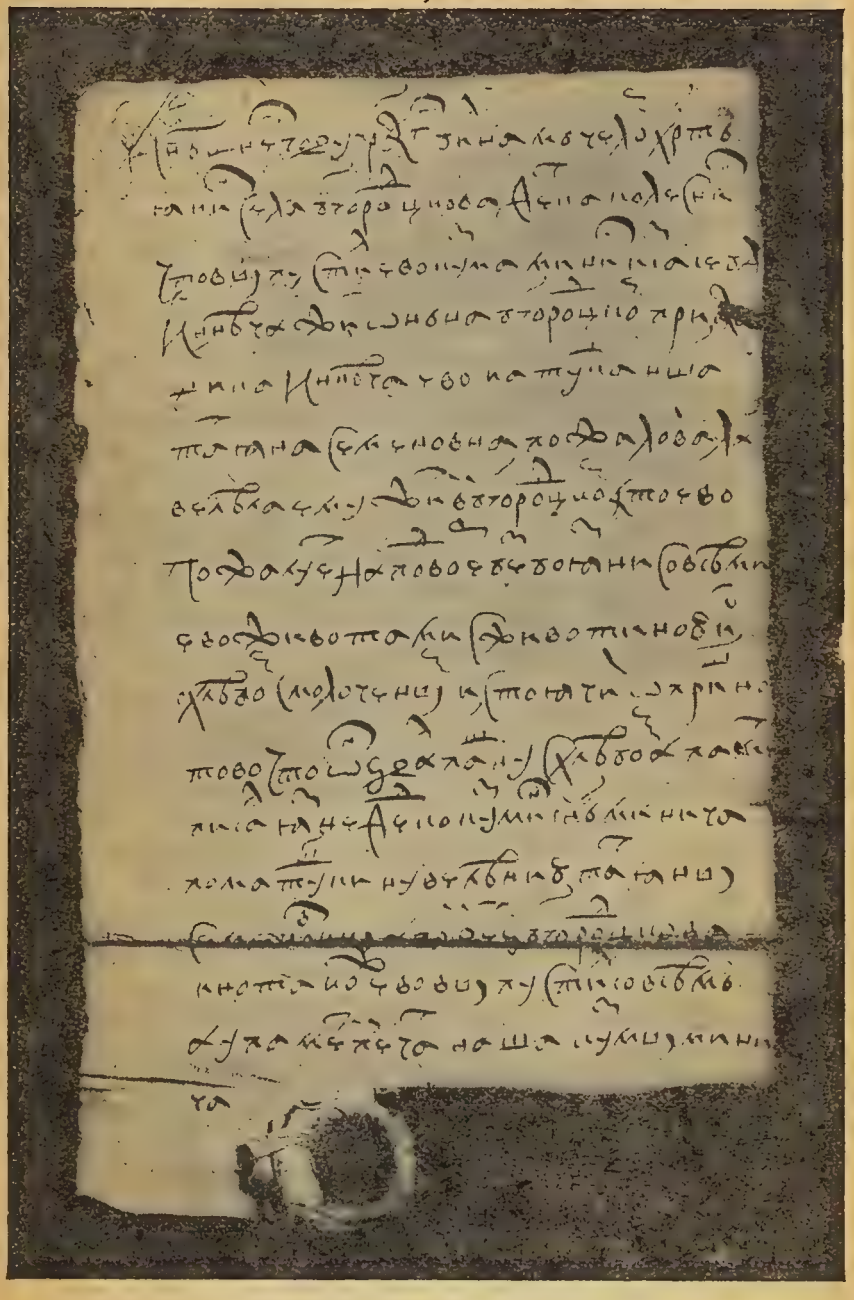
В Новгород к воеводе И. Н. Одоевскому отправилось посольство со специальной целью: узнать подробнее, «подлинно по статьям», содержание договора, заключенного новгородцами со шведским правительством, о королевиче. 12 мая ярославские послы прибыли в Новгород. Две недели они присматривались, кто как живет под властью шведов, и разузнавали все интересовавшие ополчение подробности новгородско-шведских отношений.

Во второй половине июня в Ярославль прибыли послы из Новгорода. 24—29 июня происходило официальное обсуждение кандидатуры Филиппа «всей землей». Новгородский представитель князь Оболенский, оправдывая выбор новгородцев, ссылался на то, что шведы оказали услугу России при царе Шуйском и что Филиппа хотело еще первое ополчение. Пожарский тактично не возражал против королевича: «мы от вашего доброго совету не прочь», но он приводил пример с Владиславом и говорил, что Филипп, для верности, еще до своего избрания должен прибыть в Новгород и креститься в православную веру; и не посылать в Швецию за ним посольства, а пусть сам король пришлет королевича в Новгород. До той же поры шведы должны прекратить военные действия против России на западной границе. А новгородцев Пожарский с товарищами просили «быть с ними в любви и совете, войны не начинать, городов и уездов Московского государства к Новгородскому государству не подводить, людей по аресту не приводить и задоров никаких не делать».

В результате двухмесячных переговоров было достигнуто соглашение с Великим Новгородом. Приостановилось и наступление шведов. Последнее нужно было для ополчения прежде всего. Ополченцы получили возможность еще больше собраться с силами и укрепить северо-западные границы, т. е. обеспечить вслед за тылом еще и свой фланг.

Уже все возможности укрепиться, стать прочнее на ноги и отовсюду себя обезопасить были исчерпаны; все сложные организационные и предвыборные вопросы решены. Шведский королевич, несмотря на постоянные напоминания Делагарди, все медлил с приездом в Новгород. Но о нем в Ярославле уже и не вспоминали. Пришло известие, что к Москве, возвращаясь с провиантом, идет по смоленской дороге сильное войско гетмана Ходкевича. Наперерез ему, в середине июля, из Ярославля выступил передовой отряд ополчения под командой М. С. Дмитриева. Вслед за ним вышел полк Пожарского-Лопаты.

Все ополчение готовилось к походу. Перед самым выступлением к Москве обнаружился казацкий заговор против Д. М. Пожарского. Из подмосковного лагеря Заруц-



Печать организатора нижегородского ополчения Кузьмы Минина

кого приехали в Ярославль два казака, Обреска и Степан, со специальным заданием зарезать Пожарского сонным. Это им не удалось. Тогда заговорщики решили действовать иначе. Однажды Пожарский вышел из с'езжей избы, чтобы посмотреть пушки, предназначенные для отправки под Москву. Из-за тесноты князь остановился у дверей. Казак Роман взял его за руку, чтобы помочь выбраться из толпы. В это время заговорщик (Степан) кинулся между ними, замахнулся ножом в живот князя, но, промахнувшись, ударил им в ногу Романа. Тот застонал, падая. Пожарский не сообразил, что произошло, и полагал, что случилось какое-то недоразумение. Он хотел было уже итти дальше. Но ратники с криком «Тебя, князь, хотят убить!» бросились к нему, окружили его и спасли от повторения покушения.

После неудачи заговора, предчувствуя крах всей своей авантюры, Заруцкий с половиною казацкого войска бежал из-под Москвы в Коломну. Разорив Коломну, он направился в рязанские места. Так Пожарский избавился от своего опасного союзника.

2 августа отряд воеводы Михаила Семеновича Дмитриева уже стоял у Петровских ворот отдельно от казаков Трубецкого. К 12 августа подошел князь Д. П. Пожарский-Лопата, он стал у Тверских ворот. Пришло и ополчение украинских городов, призванное грамотами Пожарского, и раскинуло лагерь у Никитских ворот. Оставшаяся под Москвой с Трубецким более здоровая часть казачьего войска, увидев дисциплину и порядок у ополченцев, старалась поладить со своими новыми соседями.

Тут предусмотрительный Гонсевский последовал примеру Жолкевского. Не дожидаясь Пожарского, он поспешил уехать из Москвы, в свою очередь предоставив командовать польским гарнизоном (3—4 тысячи человек) полковникам Будиле и Струсю.

ИЗГНАНИЕ ПОЛЯКОВ ИЗ МОСКВЫ

Нижегородская и всей земли рать, во главе с Пожарским и Мининым, медленно двигалась из Ярославля к столице. Один летописец об'ясняет эту медлительность похода тем, что ополченцы шли «в ужасти, как на такое

великое дело итти». Но Пожарский отклонил помощь, предложенную начальником наемного войска из иноземцев — Маржеретом. Значит, он надеялся на свои силы и только был попрежнему осторожен, так как за успех похода отвечал перед народом, доверившим ему освобождение страны.

С 14 по 18 августа ополчение стояло у Троице-Сергиева монастыря. Неизвестны были намерения Трубецкого. Он то и дело присылал казаков: звал Пожарского скорей стать в его укреплениях у Яузских ворот. Но похоже было, что гонцы приезжали на разведку лагеря. И странными казались приглашения Трубецкого стать рядом с ним с восточной стороны города, когда Ходкевич приближался с запада.

Наконец, получены были известия, что с часу на час нужно ожидать под Москвой Ходкевича. Пожарский немедленно отправил впереди себя князя Туренина с отрядом, чтобы он занял место у Пречистенских ворот.

19 августа все ополчение ночевало на берегу реки Яузы в пяти верстах от Москвы. А на следующий день утром стояло уже у Арбатских ворот, заняв Белый город и позиции на левом берегу Москва-реки и у Никитских ворот. Путь Ходкевичу с запада был прегражден. Казаки же Трубецкого, выйдя из своего табора у устья Яузы, расположились на правом берегу Москва-реки, у Крымского брода.

21 августа Пожарский узнал, что Ходкевич идет от Вязьмы. К вечеру он появился уже на Поклонной горе. За гетманскими полками шел большой обоз с продовольствием для осажденных.

Русские приготовились к сражению. Трубецкой попросил у Пожарского себе в помощь конницу, якобы для того, чтобы ударить на гетмана сбоку. Пожарский переправил к нему пять сотен своих отборных конников, надеясь, очевидно, таким путем установить хоть какое-нибудь взаимодействие с казаками.

На заре 22 августа Ходкевич переправился у Новодевичьего монастыря через Москва-реку и напал на лагерь Пожарского. Сильная и опытная польско-венгерская конница потеснила ополчение у Пречистенских ворот. Нижегородцы отчаянно защищались, не давая противнику прорваться к Кремлю.

Поляки из Кремля пытались поддержать наступление Ходкевича. Они сделали вылазку у Алексеевской башни и ударили в тыл русским, очутившимся между двух огней. Отряду костромичей, под предводительством мастерового Ремня, с трудом удалось загнать поляков обратно в Кремль.

Но особенно туго пришлось доморощенным нижегородским конникам в жарком деле с искусной кавалерией Ходкевича. «Наши втоптали их в реку-Москву», хвастливо заявляет автор польского дневника. Новгородцам ничего не оставалось, как только слезть с коней и биться в пешем строю.

Жестокий бой продолжался семь часов. Ополченцы грудью своей преграждали полякам путь к Кремлю. Одни падали, другие занимали опустевшее место. Поляки начинали уставать. Нижегородцы стаскивали их за ноги с коней и сцеплялись с ними врукопашную...

В это время Трубецкой и его воины стояли на правом берегу реки. Они могли легко перебраться через реку и ударом в тыл гетманским полкам помочь Пожарскому. Но казаки Трубецкого этого не сделали. Любуясь битвой со стороны, они только злорадствовали по поводу затруднительного положения ополченских отрядов.

— Богатые и сытые пришли из Ярославля, отстоятся и одни от гетмана.

Конные сотни, присланные Пожарским, рвались в бой. Трубецкой и их удерживал.

— Вы посланы в мое распоряжение, — говорил он, — скоро я вам скажу, что надо делать...

Но время шло. Нижегородцы на левом берегу напрягали последние силы, отбиваясь от поляков. Гетман упорно стремился к Кремлю, не считаясь с жертвами.

Ополченские конники на правобережье не выдержали. Уже не слушая Трубецкого, они все, как один, ударили по бокам нетерпеливых коней и поскакали через Крымский брод на помощь своим. Любовь к родине взяла верх и у некоторых казачьих атаманов. История сохранила их имена. Это были Филат Межаков, Афанасий Коломна, Дружина Романов и Марко Козлов.

— Для чего не помогаешь погибающим? — крикнули они Трубецкому. — Из-за вашей воеводской вражды только пагуба творится и государству и ратным.

И вслед за конными Пожарского, форсировав реку, они со своими людьми врубились в сечу.

Помощь пяти конных сотен и казаков пришла во-время. Ходкевич, понеся большие потери, отступил к Поклонной горе. Ночью же, по свидетельству участника событий А. Палицына, в Кремль под носом у Трубецкого «проникло 600 гайдуков от гетмана». Утром 23 августа они вышли из Китай-города и, переправившись через Москва-реку, заняли острог возле церкви св. Георгия в Яндове.

Ходкевич понял тогда, где у русских слабое место, и весь день 23 августа переводил свои войска и обоз на правый берег реки, к Донскому монастырю.

Пожарский, заметив этот маневр, с несколькими полками тоже переправился на правобережье. Ярославцев с двумя орудиями он поставил в Замоскворечье, во рву, среди руин сожженного поляками деревянного города. Трубецкой отвел казаков от Крымского брода к Лужникам. Серпуховские ворота оказались незащищенными. Трубецкой как бы нарочно старался увести свои таборы в сторону от дороги, по которой ожидалось наступление поляков. Была ли это трусость или он намеренно ставил Пожарского в затруднительные положения, обессиливал его, — сказать трудно. Летописцы и историки не приводят фактов прямой измены Трубецкого, но Ив. Забелин, касаясь его поведения под Москвой в августе ~~1612~~ 1612 г., говорит, что он «очень любил все стоять да помогать врагам».

Основной удар Ходкевича, наступавшего от Донского монастыря, полкам Пожарского опять пришлось принять на себя. Нижегородцы храбро сопротивлялись. Ожесточенная битва кипела пять часов. Трубецкой тем временем без боя оставлял свои позиции. В деревянном городе продвижение поляков остановили ярославцы, сидевшие в засаде. Подпустив врагов на близкое расстояние, они открыли по ним внезапный огонь из двух орудий и ружей. Польские роты смешались. Не получив поддержки от казаков Трубецкого, ополченцы вынуждены были отступить. Гетман усилил свой натиск, ввел в дело отборную запасную конницу из поляков, венгров и немцев. Русские отступили к Москва-реке. Полк Пожарского самоотверженно прикрывал отступление рат-

ников через реку. Пожарский переправился на левый берег вброд последним.

Ходкевич свободно расположился в Заречье. Войска отдыхали. Подтянулся весь обоз с провиантом. «Еще одно усилие, — думал Ходкевич, — и запасы и войско будут в Кремле».

Момент наступил критический. Медлить было нельзя. Переправиться снова на правый берег реки с одной своей ратью Пожарский не решался. Люди, посланные к Трубецкому за советом и поддержкой, приносили ответ, что казаки не хотят «сообща промышляти над гетманом». Оставалось обратиться к казакам через голову их вождя. Пожарский позвал к себе Авраамия Палицына. Троицкий келарь был своим среди казаков и посредничал между ними и ополчением. Он мог помочь. Пожарский и Минин «умолиша» его обратиться к казакам с убеждением немедля выступить «за едино» на защиту родины.

Палицын согласился. Он пришел в казачий табор. Казаки спокойно веселились, играли в азартную игру «зерние». Палицын обратился к ним с яркой речью. Со слезами на глазах он звал казаков скорее итти на врага, просил не погубить великого дела, стоять крепко за отечество и веру православную, как подобает людям, прославившимся «во многих дальних государствах своею храбростью и мужеством».

Казаки, по словам самого Палицына, «зело умилились» и, ударив в набат, взялись за оружие.

Снова закипел бой. Казаки и нижегородцы, соединясь в одном порыве, дружно устремились на полки гетмана с двух сторон. Но поляки выдержали первый натиск, и дальше дело пошло медленно и вяло. Казакам удалось только отбить обратно захваченный венграми острог у церкви Климента.

Вечерело. Нужно было сделать что-то решительное, чтобы вызвать перелом в ходе битвы. В эту ответственную минуту на первый план снова выступает Кузьма Минин. Как человек «неискусный в ратном деле», он до этого не вмешивался в управление войском и, оставаясь в тени, занимался лишь хозяйственными делами ополчения. Но теперь, когда решался вопрос, останутся поляки хозяевами на русской земле или нет, в нем про-

снулся воин. Он попросил у Пожарского дать ему ратных людей.

— Бери, кого хочешь, — сказал Пожарский.

Минин взял польского перебежчика ротмистра Хмелевского и три сотни ратных людей. С этим своим отрядом он перешел вброд и по бревнам реку и стремительно напал на две польские роты, конную и пешую, стоявшие у Крымского двора. Поляки, не ожидавшие нападения, в смятении отступили к тетманскому стану, и так поспешно, что конная рота смяла пешую. Минин преследовал врагов.

Видя это, вышли из засады казаки и все другие русские отряды, скрывавшиеся в потаенных местах, и тоже бросились на польский стан. Пожарский вслед двинул конные полки.

Интервенты не выдержали дружного натиска всего русского войска. Гетман пытался спасти обоз. Приказав ему тихонько отходить, он сам с лучшими полками некоторое время еще сдерживал русских. Но с фланга налетели нижегородские конники с казаками, и гетман бежал, потеряв 500 человек своих людей. Обоз со всеми запасами достался победителям.

Всю ночь Ходкевич простоял, не расседлывая коней, на Воробьевых горах. А на другой день отошел к Можайску. Осажденным в Кремле и Китай-городе он дал знать, что вернется с помощью через три недели.

Нижегородцы и казаки торжествовали общую победу над врагом. Утихла взаимная вражда, смолкли распри. Сыны отечества соединились в одну рать, которой были уже не страшны никакие враги.

Но не дремали тайные агенты Сигизмунда и польские приверженцы среди бояр. Им нужно было во что бы то ни стало расстроить согласие в подмосковном войске, ослабить его. Изменники не теряли надежды на победу Польши.

5 сентября в лагере Трубецкого появились Иван Шереметьев, князь Григорий Шаховской, Иван Плещеев и князь Иван Засекин. Иван Шереметьев, племянник Федора Шереметьева, сидевшего в Кремле у поляков, был в свое время костромским воеводою. Когда к Костроме подошло нижегородское ополчение, он, по грамоте бояр из Кремля, не хотел впустить его в город, за что и был со-

гнан костромичами с воеводства и чуть не убит. От самосуда его спас Пожарский. Потом Шереметьев шел с ополчением, по дороге где-то отстал, и вот, уже после победы над Ходкевичем, к удивлению Пожарского, оказался у Трубецкого.

Старые «заводчики всякого зла» начали склонять атаманов и казаков отстать от ополченцев. Трубецкой сразу изменил свой тон в отношении к Пожарскому, стал кичиться своим боярством и требовать, чтобы Минин и Пожарский приезжали к нему в табор на совет. Но Пожарский был предупрежден, что Шереметьев и Шаховской подговаривают казаков убить его, так же как Ляпунова.

Агенты бояр-изменников хотели повторить то, что произошло с первым ополчением в июле 1611 года: расстроить народное движение против поляков и рассеять его.

Подговоренные Шереметьевым казаки заявляли, что они дальше стоять под Москвой не могут, а пойдут промышлять в Ярославль и на Вологду.

Предостерегая об этом вологодцев, Пожарский и Минин в грамоте от 9 сентября писали:

«У Ивана Шереметьева с товарищами, у атаманов и казаков такое умышление, чтобы Литва в Москве сидела, а им бы по своему таборскому воровскому начинанию все делать и государство разорять».

Нужно было удержать казаков под Москвой. И Пожарский и Минин снова прибегают к помощи келаря Авраамия Палицына. Он пришел в лагерь к казакам и предложил им все ценности из казны и ризницы Троицкого монастыря: золотые и серебряные ризы, сосуды, кресты и т. д., только чтобы они не уходили никуда от Москвы. Это подействовало на казаков. Они отказались взять предложенные Палицыным церковные вещи и согласились остаться стоять под Москвой и действовать вместе с ополчением князя Пожарского.

К концу сентября, «по челобитью и по приговору всех чинов людей», казаки и ополчение нашли, наконец, опять, общий язык. Было избрано одно правительство в составе Трубецкого, Пожарского и Минина и установлено место для с'езда воевод на совет: у реки Неглинной на Трубе, на полпути между обоими лагерями. Сюда же были переведены и соединены вместе учреждения и приказы. Все грамоты в города и распоряжения по войску

Памятник Минину и Пожарскому в Москве на Красной площади.

уже исходили от Трубецкого и Пожарского и без подписи одного из них об'являлись недействительными. Шереметьев с товарищами притихли, а потом и вовсе исчезли.

Пока вожди решали сложные организационные вопросы, ополченцы и казаки дружно укрепляли свои позиции под Москвой: рыли большой ров в Замоскворечье, делали плетень.

С севера приходили тревожные вести. Отделившийся от Ходкевича отряд 22 сентября разорил и сжег Вологду. Кроме того были получены сведения, что сам гетман снова собирается попытаться провести осажденным провиант и подкрепления.

Пожарский и Трубецкой еще теснее осадили Китай-город и Кремль. Была устранена всякая возможность передачи туда продуктов русскими пособниками врагов.

Поляки в осаде начали испытывать страшный голод.

Еще 10—11 сентября Пожарский послал в Кремль грамоту с предложением полковникам и всему рыцарству, немцам, черкасам и гайдукам сдаться ввиду безвыходного положения. Он обещал им сохранить жизнь и предоставить возможность вернуться на родину.

Рыцарство ответило грубым отказом.

Полковник пан Будило среди слов ругательств и польского хвастовства писал Пожарскому:

«Лучше ты отпусти к сохам своих людей. Пусть хлоп попрежнему возделывает свою землю, Козьмы пусть занимаются своей торговлей, — царству тогда лучше будет, чем теперь, при твоем управлении».

Пришлось русским еще обождать. Через месяц голод среди поляков достиг крайних пределов. 22 октября казаки и нижегородцы пошли на приступ Китай-города и в тот же день взяли его.

Но Кремль еще держался. Поляки выпроваживали из него семьи русских, сидевших с ними в осаде: освобождались от лишних ртов. Дошла очередь и до высокородных бояр. Струсь и Будило потребовали от них выслать из Кремля также и свои семьи. По этому поводу началась переписка между боярами и Пожарским. Пожарский обещал безопасность их семьям, и, вслед за семьями, 26 октября поляки выпустили из Кремля и самих бояр. Из Троицких ворот вышли Ф. И. Мстиславский,

И. В. Воротынский, И. Н. Романов с племянником Михаилом Федоровичем и др. Пожарский, встречавший бояр на Каменном мосту, с трудом удержал казаков от расправы с изменниками.

В тот же день поляки начали переговоры о своей сдаче. Был подписан договор. В нем Пожарский и Трубецкой гарантировали жизнь полякам. Те возвращали все награбленное.

27 октября польские роты медленно вышли из Кремля, а с ними и остальные изменники: Федор Андронов, Грамотин и др. Михаила Салтыкова среди них не было; он под видом посла успел во-время убежать к королю.

Русские с чувством благоговения вступили в очищенный, наконец, от оккупантов свой родной Кремль. А в ближайший воскресный день, 1 ноября, вся Москва торжественно праздновала свое освобождение от польско-литовского ига.

В это время «польский Жигимонт король со многими людьми, похвалясь великое Российское государство под себя и под Польшу и под Литву привести», подходил к Волоколамску. Сигизмунд вел с собой немцев-наемников. С ним соединился Ходкевич. Но было уже поздно. На защиту родины встал весь русский народ. Король, мечтавший воцариться в Москве, не мог одолеть даже маленького героического Волоколамска. Узнав о сдаче своими поданными Кремля, он повернул обратно, преследуемый партизанами.

С изгнанием поляков из Москвы освобождена была от польских захватчиков не только русская столица, но и вся русская земля. События 1611—1612 гг. показали, какая огромная сила коренится в русском народе и как быстро и решительно эта сила может выявиться наружу в плодотворных и победоносных действиях.

Интервенты начала XVII века получили хороший и назидательный урок. Но этот исторический урок должен быть назидательным и для тех, кто и сейчас мечтает о походе на нашу свободную социалистическую родину.

ПОЛЬСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ
1604 - 1612 г.г
от Гринвича
24
28
32
36
40
44
60
56
52
48
Ладожское озеро
Онежское озеро
Финский залив
Чудское озеро
Псков
Вологда
Ярославль
Кострома
Кинешма
Юрьевец
Ростов
Тверь
р. Волга
Шуя
Балахна
Суздаль
Н.Новгород
Вильно
Белая
Клушино
Тушино
Москва
Можайск
Коломенское
Царево Займище
Смоленск
Орша
Минск
Серпухов
Коломна
Калуга
Зарайск
р. Ока
Рязань
Тула
Рославль
Брянск
Болхов
Мценск
Орел
Стародуб
Добрынничи
Новгород Сев.
Севск
Кромы
Елец
Чернигов
Рыльск
Курск
Путивль
р. Дон
Киев
р. Днепр
ПОЛЬША
Путь Лжедмитрия I
Путь Лжедмитрия II
Действие отдельных тушинских отрядов
Путь Сигизмунда III и гетмана Жолкевского
Движение отряда Болотникова
Движение ополчения Минина и Пожарского
Граница Московского государства

СОДЕРЖАНИЕ

Русское государство накануне XVII века 3
Первая польская интервенция 5
Восстание крестьян под руководством Болотникова 14
Вторая польская интервенция 17
Народное ополчение 29
Минин и Пожарский 40
Изгнание поляков из Москвы 50

Редактор *И. Гаврилин*
Технический редактор
Д. Глейх
Корректор *Л. Гофман*
Сдано в производство 8/IX. 1938 г.
Подписано к печати 9/XI. 1938 г.
М. Г. 168. Индекс Ю-1. Формат бум.
84×108 1/32 4 печ. л., 3,26 уч. авт. л.
Уполномоченный Главлита Б—55159
Тираж 25 000. Зак. тип. 678.
*
Типография изд-ва
„Московский рабочий",
Петровка, 17.